

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

ОТМОРОЗКИ

или ГРЯЗНАЯ ЖИЗНЬ

Владимир Григорьевич Колычев

Грязная жизнь

**Серия «Колычев. Мастер
криминальной интриги»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164703

Владимир Колычев. Грязная жизнь: Эксмо; Москва; 2007

ISBN 978-5-699-20476-2

Аннотация

Похоже, здесь не обходится без вмешательства нечистой силы. Опасный преступник, находящийся в розыске, ничего не боится и всегда идет напролом: грабит банки, взламывает сейфы, учиняет кровавые разборки – и при этом неуязвим, будто заговоренный. Ему сопутствует какое-то дьявольское везение, словно покровительствует сам Сатана. По крайней мере, и следователь, и главный прокурор совершенно в этом уверены.

Содержание

Часть I	4
Глава 1	4
Глава 2	46
Часть II	135
Глава 1	135
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Владимир Колычев

Грязная жизнь

Часть I

Глава 1

Ксюша с трудом разлепила веки. Спать хотелось – хоть спички в глаза вставляй. Голова чугунная, во рту сухо, кисло, тело тяжелое. Перебрала она вчера, много водки в себя влила. Обычно она старалась соблюдать меру, но не тот случай выдался. Клиент ей попался противный. Сам жирный, рыхлый, морда красная, нос-рубильник, и взгляд такой скользкий, неприятный. А еще от него гадко так воняет – будто сто лет не мылся. Но, как говорится, не бывает некрасивых мужиков, бывает мало водки. Вот на нее, родимую, она и налегала весь вечер. Хорошо, дяденька не жадный: и сотню баксов Вертолету за ночь с ней отстегнул, и в кабак ее сводил, стол накрыл – не то чтобы уж дорогой, но пьяный и сытный. А потом в номера. И поскакала по кочкам.

Дяденька уже не молодой. И толстый. У таких, как правило, инструмент электричку напоминает. Нет, не длинный и быстрый, а стоит пятнадцать секунд. И этот не оказался ис-

ключением. Только в этом ничего хорошего. Рот ее в режиме «подъемного крана» работал, тяжело пришлось. Но ничего, справилась, ублажила дяденьку. За это он ей десять долларов дал – не для сутенера, чисто для себя. Хотя, конечно, мог бы и полтинник на чай кинуть. Ну да ладно, и на этом спасибо.

Уже утро, пора домой собираться. Ксюша встала с постели, потянулась, сладко зевнула и направилась в ванную. По пути достала из сумочки зубную пасту и щетку. Профессия у нее такая – гигиена полости рта не на последнем месте.

Номер люкс – ванная просторная, чистая, и зеркало во всю стену. А Ксюша любит смотреть на себя. Особенно когда голяком перед зеркалом рисуется. На мордашку она даже очень. Крупные черты лица, в меру широкие скулы, губы чистый рубин, глаза большие, когда надо, блядские – мужики от них балдеют. Волосы у нее роскошные – темно-каштановые, ровные, мягкие, длинные – до пояса. И фигурой бог не обидел. Груды – крупные, упругие, сосками на солнышко смотрят. Узкая талия, крутые бедра, а попа – хоть на ВДНХ выставляй. Только вот ножки подкачали. Не длинные они, как это сейчас модно. Но ровные, крепкие, упругие. Кожа у нее гладкая, нежная, как персик. Это ей один клиент так сказал. За кожей она следит – кремы там всякие, загорает. Сейчас вот только май на дворе, а она уже под «румяной корочкой» – на крыше своего дома в чем мать родила уже три недели подряд «поджаривается».

Ксюша стояла под тугими струями теплой воды, любова-

лась своим отражением в зеркале и мягкими плавными движениями намывливала себя. На губах озорная улыбка. Видок у нее полный отпад: только глянешь на нее – и сразу кончишь.

Хотя, конечно, на деле это не так. Прежде чем кончить, клиент крепко напрягает ее. Улыбка сошла с лица, она почувствовала брезгливость к самой себе.

Полгода уже она путанит. А разве у нее есть возможность зарабатывать на жизнь иным путем? Брат у нее совсем еще ребенок, сестренка маленькая, мать алкоголичка. Попробуй их всех прокорми на зарплату медсестры. Два года после медучилища она в больнице за гроши вкальывала, хватит. Вот и приходится торговать собой. Грязная, вонючая жизнь. Но другой ей, видно, не видать.

Она вышла из ванной и, на ходу вытираясь полотенцем, проследовала в комнату. «Дядя Хряк» уже проснулся. Лежит в кровати под одеялом и пялится на нее. Глаза по пять копеек, кобелиный огонь в них.

– Ксюша, ты просто прелесть, – отбрасывая в сторону одеяло, проблеял он.

ТЬфу ты! Мудя свои выставил. И тащится. Только таски у него какие-то поросячьи. Думает, она сейчас от восторга прыгать начнет. Ага, разбежалась.

– Да ну! – криво усмехнулась она.

– Давай?

– Что давай?

– Ну это...

Он пальцем показал на своего червя.

– Ага, жди, – грубо отрезала Ксюша. – Утро уже – лимит исчерпан. Домой мне уже пора.

И, не глядя на него, она начала одеваться.

– Но желание клиента закон, не правда ли? – Глаза его недобро сузились.

– Тридцатник в час, и я вся твоя.

Она – жрица любви. Но любовь за отдельную плату.

– Ну так в чем же дело?

Хряк перевернулся на живот, выставив на обозрение жирную волосатую задницу, полез в тумбочку. В руках у него появилась пятидесятидолларовая купюра.

– Милый, ну что же ты раньше-то молчал? – Лицо Ксюши озарила профессиональная улыбка.

Ксюша вмиг стянула с себя трусики и прыгнула на кровать. Но прежде чем приступить к сеансу любви, ловким движением забрала купюру и сунула ее в сумочку.

Из Москвы домой она добиралась на электричке. Два часа пути, и она ходит на станции Добрин.

Город небольшой, но и не то чтобы очень маленький. Большое пространство два химических комбината занимают. Коптят невыносимо – воздух тяжелый, смрадный. Вообще здесь все угнетает. И дома, и люди, и быт. Рабочие кварталы какие-то мрачные, жилые здания в основном довоенной постройки – все сыплется, рушится. Трущобы, одним

словом. И жизнь здесь не похожа на жизнь. Пьянки, склопки, ругань, поножовщина – явления обычные. Молодняк под стать предкам. И водку употребляют литрами, и клей нюхают, и в вены ширяются. Ни одна дискотека без драки не обходится. И ножом пырнуть могут, и железякой череп проломить. По улицам, когда темно, страшно ходить. Зажмут в каком-нибудь закоулке, обдерут как липку, а вдобавок еще и по кругу пустят. Катюху, подругу Ксюши, было дело, подловили. Шмотки на ней фирменные были, в сумочке двести баксов – все забрали, до трусов раздели. А потом и трусики стащили, когда «хором» драли. Пятерых пацанов-малолеток задарма обслужила. Ну так это, считай, еще повезло. Могли бы и ножичком над ней поколдовать.

Ужасный город. Не хочется в нем жить. Впрочем, она бывает здесь только днем. Вечером и ночью «бабочкой» по Москве порхает. Ее, Ленку, Катюху и Валюту Пашка Вертолет, сутенер их, на тачке в столицу отвозит. А поутру каждый возвращается как может.

Вот Ксюша домой и возвратилась. До вечера. От станции до улицы, где она живет, десять минут ходу. Душно, пыльно, вокруг грязь, нищета. Вот и ее дом. Четыре полуразвалившиеся трехэтажки прямоугольником. Подворотня, захлащенный двор и подъезд, облупившаяся входная дверь. Квартира у них по здешним меркам большая – три комнатенки и крохотная кухня. Холодная вода. Удобства на улице. Ремонт здесь лет пятнадцать уже никто не делал, с тех пор, как

отец от них ушел. Мебель ветхая. Но чистенько, все по полочкам разложено. Это Аленке, сестренке младшей, спасибо. Ей тринадцать лет, в школе учится. Ксюша деньги приносит, а она убирается, продукты покупает, завтраки и ужины готовит. Молодец девчонка. Только бы не скурвилась, как старшая сестра. Валерке одиннадцать. Но этому только бы по улицам шляться, а не дома сидеть. Хорошо хоть, учится неплохо.

А вот мать похвалить язык не повернется. Совсем спилась. Ей еще и сорока нет, а выглядит на все пятьдесят. Ксюша ее иначе как старухой и не называет. Грубо, но без зла. Можно ли злиться на мать? Сломала ее жизнь, за борт выбросила. Мужа нет, работа тяжелая – зарплата легкая. Из всех сил тянулась, пытаюсь детей на ноги поставить. Тянулась, да надорвалась. В вине силы искала, а нашла в нем свою беду.

Хотя ее беда началась не с водки, а с мужиков. Красивой она в свое время была. Крепко любил ее отец. А уж ревновал как! И злые языки утверждают, что ревновал не зря. Будто бы застукал он мать с каким-то мужиком. И все полетело в тартарары. С тех пор Ксюша росла без отца. Она его почти и не помнит. Пять лет ей было, когда он ушел. Мать замуж больше не вышла. Хотя мужики к ней ходили. Но, кроме Аленки и Валерки, ничего в доме не оставили.

Алкоголичка мать, но не буйная. Ксюша ей бутылку самогона у соседей по дешевке на вечер купит, выпьет она грам-

мов триста и спать. А двести утром, на опохмелку. И на работу. Дворник она уже второй год. Три часа метлой помашет – и свободна. Так и живет. Но разве ж это жизнь?

На часах уже двенадцать. Скоро Аленка из школы при-мчится, пообедает и деньги на хозяйство получит. «Зарплату» свою Ксюша раз в неделю получала – двести-триста дол-ларов за шесть ночей работы. Пашка Вертолет всего треть от заработанного им отдает, шкура поганая. Но без него никуда. Он и на панель их выставит, и клиентов подыщет, от наездов оградит. С ним в паре Клин работает, крепкий парень, каратист. Но все это ерунда. Главное, Пашку крутые бандиты «кроят», а он им процент за «крышу» отстегивает. Бандиты «котов» и за людей-то не считают. Но если что случится – всегда помогут, только плати. Такие вот дела.

Вертолет с ней за неделю послезавтра рассчитается. Но это через два дня будет. А сейчас у нее в сумочке живые деньги. Шестьдесят долларов. Десять ей «Хряк» вчера подарил, и сегодня пятьдесят баксов за сто минут секса отвалил. Этого Вертолету не видать как собственных ушей. В ее лич-ную «кассу» они пойдут. Из которой деньги на шмотки, кос-метику берутся и семье на прокорм-пропой. А еще у нее есть тайничок – туда она по пятьдесят долларов от каждой «зар-платы» откладывает. Уже «зеленая» «штука» набежала. Это на черный день. Хотя вообще-то дни у нее и сейчас вовсе не светлые.

На кухне у плиты мать. Готовить обед – ее обязанность.

Хоть с этим справляется, и то ладно. А через два дня у Аленки последний звонок и каникулы. Вот тогда-то быт домашний и навалится на нее всей тяжестью. Только сестренка крепенькая, все выдержит. И Ксюша бы выдержала. Это ведь совсем не так страшно весь день дома готовить, убирать, стирать. Только бы деньги не переводились. И денег хватает, но она их передком зарабатывает. Ночью в эксплуатацию сдаешься, а днем отсыпaeшься. Тут уж не до хлопот по дому. Этим пусть Аленка занимается. Занятие уж куда лучше, чем панель.

Сразу после обеда Ксюша – на боковую. В четыре часа проснулась, вышла из квартиры, по шаткой лестнице поднялась на чердак, а оттуда на крышу. Там у нее лежак деревянный. Она на нем солнечные ванны принимает. Постелила покрывало, разделась догола, легла на живот, глаза закрыла и задремала. И начхать, что из дома напротив пацан-малолетка на нее в бинокль пялится. Как будто бабу голую никогда не видел. Ну и пусть пялится забесплатно.

А в семь вечера она уже на станции как штык стоит, в полной боевой экипировке: короткая майка до пупа – под ней груди без лифчика заманчиво так колышутся, мини-юбка, туфли на высоченном каблуке. В сумочке паспорт, косметика, полный набор резиновых изделий типа презерватив, «Колгейт» в комплекте с зубной щеткой, ну и, конечно же, кошелек, почти пустой. Не она, а на нее тратиться будут. Вот и белая «Волга». За рулем Вертолет, рядом – Клинт. На зад-

нем сиденье Ленка и Катюха, духами благоухают.

– Привет! – Ксюша устраивается рядом с ними.

– Привет, Ксюша, юбочка из плюша, – хихикает Ленка.

Уже под кайфом девчонка. Марихуаной балуется.

– А где Валюта?

– Ни Валюты, ни валюты с нее, – буркнул Клин.

– На «субботник» она вчера попала, – вздохнула Катюха. –

«Отморозки» какие-то по кругу ее пустили, а вместо бабок трендюлей навешали и сигареты зажженные в задницу.

Такое могло случиться и с Ксюшей. Ей стало немного не по себе.

– Хорошо, до смерти не забили, живой отпустили. Дома она, раны зализывает.

– Я с Персом это дело перетер, – не оборачиваясь к ним, бросил Пашка. – Обещал мне козлов тех на понятия поставить. Да и мне самому кое-кого на понятия ставить придется.

От него веяло угрозой. Ксюша почуяла неладное.

Предчувствие не обмануло ее. На полпути к столице Вертолет свернул в какой-то лесок, отъехал подальше от дороги и остановился.

– Выходи! – хищно посмотрел он на Ксюшу.

– Что такое? – спросила она, выходя из машины вместе с ним.

– Ты мне ничего не хочешь сказать? – зло спросил он.

– По поводу?

– По поводу бабок.

– Бабок?

– Тебе клиент сегодня сколько отстегнул?

– Какой клиент?

Ксюше стало страшно.

– А тот, который тебя всю ночь сегодня драл.

– А-а, этот, – натянуто улыбнулась она.

– Так сколько он тебе дал?

– Нисколько, – соврала она.

И тут же сильный удар в живот заставил ее пожалеть об этом.

– Кому ты, мочалка драная, заливаешь? – заорал на нее Вертолет. – Он тебе полтинник «зеленый» за отсос на лапу сунул. Где бабки?

– Дома.

– Запомни, тварь, ты у меня как на ладони. Я каждый твой блядский шаг вижу. Короче, соска ты голимая, полтинник вернешь и стольник штрафа.

– Ладно.

– Да кто тебя спрашивает? – рассмеялся Пашка.

И снова ударил ее в живот. Задыхаясь от боли, Ксюша пригнулась к самой земле.

– Я тебе, падле, работу даю, «крышей» крою, а ты, сука, меня кидаешь.

«Крышей» он кроет. Только Валюту его «крыша» от «отморозков» почему-то не спасла. Но вслух об этом Ксюша сказать не рискнула.

– Короче, лярва, еще такое повторится, и я тебя урою. Вали в машину!

С трудом распрямившись, она доковыляла до «Волги» и ввалилась в салон. Ленка и Катюха смотрели на нее так, будто она с веселой прогулки вернулась. Ну да, ничего ведь и не случилось. Подумаешь, пару раз под дых схлопотала.

Ксюша закусила губу и отвернулась от всех к окну.

– Тебе больничный не полагается, – трогаясь с места, усмехнулся Паша. – Будешь работать сегодня за двоих!

Понятно... Все бабки, что она сегодня заработает, целиком уйдут этому козлу.

* * *

Рубаха и парусиновая ветровка нещадно воняли плесенью, но Мирон балдел от этого запаха. Это был запах свободы. Семь лет пролежали его шмотки на складе колонии строгого режима, ждали своего хозяина. И дождались. В них свободный гражданин Скорпицын вышел за железные ворота КПП. Вот она, свобода! Небо встречает его нудным морозящим дождем, земля – унылым пейзажем обнищавшего горняцкого поселка, но ему все пофигу. Он волен как ветер, в кармане пятьсот сорок семь тысяч рублей и справка об освобождении. Кайф! И его не обломает даже ураган-цунами! Наконец-то свершилось.

Полгода в следственном изоляторе, семь лет на зоне – и все из-за какой-то чешуи. На мужика одного с пацанами в подворотне наскочили, шапку с него сбили, часы, «лопат-

ник» приханырили. Шапка пыжиковая, часы «Слава» – красная цена три рубля в базарный день, в бумажнике – шесть рублей восемьдесят четыре копейки. Короче, не навар, а лажа сплошная. Ну и морду козлу этому начистили, оторвались, что называется. А через день дома у него менты появились. «Гражданин Скорпицын, вы арестованы!» В наручники закоцали и в «воронок» закатали.

Мужик, оказывается, его одного только запомнил. На других менты через Мирона выйти надеялись, да только ни хрена у них не вышло. Никого он не сдал – на себя все взял. Сам на мужика, мол, наехал, в одиночку грабанул, сам же его по башке хряпнул. А если ему кажется, кто-то был еще – так это у страха глаза велики. И впаяли срок ему одному. Он в места не столь отдаленные, а Лишай, Горюн и Мультик, кореша его, на воле вольной. Такие вот дела.

Пока на хате в СИЗО парился, все вроде бы путем шло. Голимо там было – теснота, жрать мало дают, параша смердит. Зато его никто там не трогал. Совсем зеленый он тогда был, восемнадцать только исполнилось, никаких понятий. Но статья у него не гиблая была. И мазу на себя тянул. А за это особенно уважают. На «кичмане» с «бродягой» одним сошелся, ума-разума от него набрался. Узнал о законах, по каким зэки живут, понятий поднабрался. Но своим среди «блатных» не стал – не тот фасон. Да ему, если честно, не больно того и хотелось. На хрен ему сдалась их блатная романтика. «Украл – выпил – в тюрьму, зона – мать родная».

Для «татуированных» зона, может, и в самом деле мать родная, а для него она как тетка злая. Не сразу его там приняли. Начхать, кто ты, по какой статье зачалился. Главное, какой ты: сколько в тебе борзоты, как держишься, как отвечаешь на удар. «Беспредельная» зона, словом, попалась. В первый же день на него сразу три мудака наехали.

Мирон ростом вроде как удался, только в плечах нет размаха. Худой, тощий. Соплей перешибешь. Но это только так кажется. На самом деле хрен его возьмешь. Силы ему не занимать, резкий, быстрый, как змея. И руками махать не на рингах в спортивных школах учился. Его улица воспитывала, сызмальства в драках. Стенка на стенку сходились, смертным боем бились. От ножа у него шрам на боку, еле заметный рубец на горле, да еще на черепе отметина. И сам немало «автографов» оставил. Его называли грозой улицы, его боялись, один на один с ним сходитья рисковали самые отчаянные. Любого задавит. Не зря его Скорпионом звали. Но мудаки этого не знали.

Опустить его вздумали, свежей «петушатины», надо же, захотелось. Зажали его с трех сторон в умывальнике и кулаком в челюсть ка-ак врежут. Думали, с копыт свалят. Да только хрен им в грызло. Он даже не «поплыл». Но вид сделал. Один за ворот его ухватил. А он ему руку на изгибе заломил, на критический угол загнул, да как дернет – кость в локтевом суставе хрясь. Визгу, будто стадо свиней под нож пустили. Второго Мирон вырубил согнутыми пальцами в ка-

дык – коронный его удар. А вот третьего проглядел. Тот быстро просек ситуацию, заточку в руку – и вперед. Ударил прямо, с выбросом от живота в грудь. В сердце, падла, метил. Да только малость смазал – «пику» под левую ключицу сунул. Боль адская, рука отнялась. Но на ногах удержался, а главное, мозги не отключились. Нога сама оторвалась от пола, носок ботинка сам нашел яйца. Короче, у третьего козла между ног образовался конкретный омлет. Мирон вынул заточку из тела, зажал ее в руке и занес над обидчиком. На «мокруху» шел, тогда ему было без разницы. Главное, с уродом рассчитаться. Но удар не последовал. Перед глазами пошли круги, потолок и пол поменялись местами, отключка, темнота. Очнулся в санчасти. Живой и здоровый. И рана затянулась быстро. Рука левая подвижной осталась, как и была. «Лепила», в натуре, удивлялся. А чего удивляться – на Мироне вообще все как на собаке заживает. Организм такой.

После того случая жизнь по кайфу пошла. Вор один авторитетный в отряде появился, козлам там всяким беспредельным правилку устроил. А Мирона под свое крыло взял. Кликуху Скорпион утвердил. При нем Скорпион «торпедой» стал. Нет, жизнь по спокойке не пошла. На «мокруху» пару раз подписаться пришлось. Кое-кого из «сук» опускать помогал – а тут без силы никуда. Вот когда порядок навели, тогда лафа и началась. Но жизнь малиной не долго казалась. «Беспредел» – это еще та зараза. Авторитета воровского через два года другую зону топтать отправили. И сно-

ва гниль наружу полезла. «Отморозки» и «шерстяные» там всякие права качать начали, возникать не по делу стали – понятия все побоку пустили. Разборки за разборками покапали. Дерьмом завоняло, хоть нос на прищепку. На Мирона наехали, на нож поставить хотели. Да только он и на этот раз отпор дал. Одного козла пришлось замочить, другого. У него уже своя команда образовалась. «Молодняк» под него подпрягся: «бакланы», «животные» – вымогатели то бишь, на воле их спортсменами, рэкетирами называют. У этих свои понятия, близкие к воровским. Да и чего там греха таить, Мирон и сам до «беспредела» докатился – что хотел, то и творил. Без тормозов, короче. Последние три года не жизнь у него была, а сплошная разборка. То с одной кодлой война, то с другой. Один раз «перо» в бок вогнали – выжил. Другой раз «пикой» ногу от бедра до колена разодрали, не шрам, а шрамище остался. Было дело, ливер на хрен отбили, но ничего, оклемался. Короче, дожил до «звонка», авторитетным «отморозком» откинулся.

Не чувствуя под собой ног, Мирон прошел через весь поселок, добрался до автобусной остановки. Через час появился автобус. Вечером парень был уже на железнодорожной станции. Ночью в общем вагоне покатил в родные края.

Через двое суток, грязный, помятый, вонючий, он выходил на станции Добрин. Вот он и дома. Пересечь дорогу, уходящую на Москву, пройти через несколько кварталов, добраться до родного двора, а там и ветхая трехэтажка – в ней

живут его предки. Они даже и не знают, что сынок их откинулся. Ничего, скоро узнают.

На дороге стояла белая «Волга» двадцать четвертой модели. Дверцы нараспашку, музыка орет, две красотки длинноногие в коротких юбках с сигаретами к багажнику притулились, ждут кого-то. За рулем хмырь. Рожу, хомяк, отъел, кирпича просит. Рядом с ним еще один мордоворот, сидит, в сторону смотрит. Явно поджидает кого-то. Мирон на пацанов ноль внимания, а вот на девок засмотрелся. Шутка ли, семь с половиной лет баб не драл. А с этими телками он бы загулял, дня бы три без перерыва обеих харил бы. В штанах затвердело, напряглось. Только мыши вроде как заняты, с кобелями они. Да и видок у него, в натуре, голимый. На бомжа он беспонтового похож. Не, бабы на него не клюнут. Ничего, завтра он приоденется и, если бабки останутся, гульнет на полную катушку.

Мирон снял с девок глаза и тут же наткнулся на презрительный взгляд мордоворота за рулем.

– Чего, бичара, на баб слюни пускаешь? – с ленивым высокомерием нехотя спросил он. – Не по тебе они, рылом не вышел.

Ну, борзота!.. Когда Мирона оскорбляли, он забывал про тормоза. И завелся с пол-оборота, хрен его сейчас остановишь.

– Че ты вякнул, козляра помойный? – как от лимона скривился он.

Жаль, «пики» при себе нет, а то бы пощекотал этого фуфлыжника.

– Э-э, да ты еще и воняешь! – Борзой мордоворот выско-чил из машины и с перекошенным от ярости лицом набро-сился на него.

Мирон встретил его четко отработанным ударом в печень. И тут же добавил кулаком в нос. Наверняка хрящ всмят-ку. Кровянка брызнула фонтаном, забрызгала его и без того грязные шмотки. Мирон взбесился еще больше.

Закрывая морду руками, борзой пригнулся к земле. Град ударов ногами свалил его окончательно. Мирон бил сильно, жестоко. Он мог бы и до смерти забить своего врага, да вме-шался второй мордоворот. Он подскочил, высоко прыгнул вверх и выбросил вперед ногу. В спину, козел, ударил. Ми-рон отлетел шага на три и растянулся на земле прямо под ногами у девок. Но тут же начал подниматься. Только про-тивник был против этого. Он снова подобрался к нему и за-махнулся для удара. На этот раз Мирон поймал его ногу и схватил его пятерней за яйца. Он давил их и выкручивал до тех пор, пока мордоворот не отключился от боли.

Оба козла валялись на земле. Лежат и не дергаются. Что ж, будут теперь знать, как связываться с Мироном. Пусть го-род знает, что Скорпион вернулся домой!

– Ну ты даешь! – вытаращила на него глаза сисястая блон-динка с рабочим ртом.

Мирон на мгновение представил, как она колдует над его

инструментом, и ему стало жарко.

– А ты, киска, даешь? – ощерился он.

– Смотря кому, – плотоядно улыбнулась она.

Да, эта метелка не из недотрог. С ней проблем не будет.

– Короче, я только что «от хозяина», вишь какой прикид.

Но ничо, завтра все в цвет будет, обновку на себя прикину, бабок на карман возьму, и мы с тобой в кабак, киска, закатимся. Идет?

– А что, завтра у нас выходной, – блондинка не стала ломать из себя целку. – Можно и в кабак с тобой рвануть, красавчик. Правда, Катюха?

– Если меня возьмете, – хихикнула подруга.

– Ну так и возьмем. А ты, дорогой, двоих выдержишь?

– Да без проблем. Короче, завтра, на этом месте. Пока!

Мирон уже уходил, когда к машине подошла темноволосая красotka в коротком облегающем платье. Смотрит на него и глазками хлоп-хлоп. Как будто привидение увидела.

– Мирон, ты?

Да она его еще и знает.

– Ну, Мирон.

– А я Ксения. Ты меня и не помнишь. Мы с тобой из одного двора. Когда тебя менты забрали, я еще совсем мелкая была, тринадцать лет.

– Да? Ну, привет, соседка, – ухмыльнулся Мирон.

Ксюха эта – девка, конечно, отпадная. Но блондинка ему больше по кайфу. Так что не хрен перед ней мед языком раз-

ВОДИТЬ.

– Привет, Скорпион, – засияла она.

А она еще знает и его кликуху.

– Ну все, бывай.

Мирон обогнул ее и направился к дому.

* * *

Проснулся он в девять утра. Для кого-то поздно, но не для него, на зоне их в шесть утра поднимали. Вчера они с бабей два пузыря «счастья» раздавили. Пропащим сыном его предки считают, но все одно, обрадовались его возвращению. Приличный стол накрыли. Ему даже тратиться не пришлось.

А вот сегодня бабки скинуть придется. Прикид себе надо клевый состряпать, а это на барахолку прошвырнуться надо. На это почти все бабки уйдут. Инфляция, мать ее так, все лавэ, которое он с собой привез, обесценила. На что с блондинкой он гулять будет? Вот этот вопрос и поднял его с кровати.

Где взять бабок? У предков не разживешься, сами концы с концами еле сводят. В нищете, можно сказать, живут.

Сидя на печи, денег не добыть. Надо в город выходить, там уже по ходу соображать.

В Добрине есть рынок, городской. На одной половине харчами торгуют, на другой – шмотками всякими. На вторую половину Мирон и подался. У него бабки, у купца – товар. И товару полно. Только он не больно-то разбирался в том,

что братъ. Времена изменились, и мода тоже. Сейчас больше джинсы дутые носят: черные, синие, без разницы. И рубахи шелковые. Ну и кроссовки или туфли на выбор. Собственно, в чем проблема? Что носят все, то и он на себя прикинет. Чего из толпы-то выделяться?

Он уже присматривался к джинсам, когда сзади его окликнули:

– Скорпион, дружище!

Мирон обернулся и увидел Юрку Лишай, кента своего давнего. Бритый чуть ли не наголо, майка-безрукавка на нем, штаны спортивные с лампасами. На шее массивная серебряная цепь болтается. И накачан, бык, до предела. Раньше таким он не был.

Лишай подошел к нему, загреб руку, крепко сжал ее и полез обниматься.

– Ну, здоров, Лишай! – хлопнул его по плечу Мирон.

И тут же отстранился.

– Давно откинулся?

– А ты не знаешь? – сощурился Мирон.

– Да примерно знаю.

– Примерно, мать твою. Ты дни должен считать. Ведь я и за тебя срок тянул.

– Да я понимаю, – потупился Лишай. – По гроб жизни тебе обязан.

– Я смотрю, ты тут раскабанел.

– Да качаюсь, жру порядком. А ты чего здесь?

– Чо, не видишь, обнову ищу.

– А-а, ну да, – почесал затылок Юрка. – Тебе приодеться-то надо.

– Ясен хрен.

– Слушай, а хочешь, я тебе такой же прикид, как у меня, сбацаю?

– Под рэкетира косишь?

Когда Мирона за «решки» кинули, о рэкетирах еще никто не знал. Кто они, под каким соусом их едят. А потом они как тараканы из всех щелей полезли. Видал он этих качков на зоне, под Скорпионом кое-кто из них ходил. Многое про них знает.

– Почему кошу? Не-е, я сам из них, – гордо выпятил грудь Лишай. – В натуре, без понтов.

– В натуре, без понтов, – передразнил его Мирон. – Чо, «быком» впрягся?

Цепь у него серебряная, значит, «бык».

– А чо, разве плохо?.. Я в армейке два года оттарабанил, в морпехе. Там накачался. Потом здесь качаться стал. А тут Фараон объявился, команду свою сколотил, весь город под себя подмял. Ну и меня в свою команду взял. Я щас здесь при делах, «капусту» рубим.

– Ну руби.

– Слушай, а чо мы здесь стоим? Пошли, кафешка здесь одна есть, я «поляну» накрою.

– Щас джинсы прикуплю, рубаху.

– А спортивку?

– Не, брат, я сам по себе. И под рэкетира мне косить не хрен.

– Ну как знаешь. Короче, я щас тут с шефом своим перетру. Скажу, мол, корешка своего встретил. Он от дела меня отмажет. А потом к тебе. Сутки гудеть будем, в натуре.

Лишай исчез.

Торгаш, у которого Мирон обновку присмотрел, заелозил перед ним. Видел, с каким почтением с ним Юрка разговаривал. А того тут явно знали и побаивались. Он справил ему черные фирменные джинсы, в каких ногам простор, рубаху и туфли.

Мирон выбросил старое шмотье и оделся во все новое. И тут снова появился Лишай.

– Все путем, Скорпион, с шефом перетер. Ну чо, дернули?

В кафе Мирон откинулся на пластмассовом кресле, достал сигарету, прикурил, жадно затянулся. На столе уже выросла литровая бутылка «Абсолюта» и огромная тарелка с дымящимся шашлыком. Ярко покрашенная официантка в юбке до пупа добавила ко всему этому еще и салат. Лишай похабно улыбнулся и шлепнул ее ладонью по пышной заднице. Она хихикнула и убежала.

– Хочешь трахнуть козу эту? – спросил он. – Хочется ведь бабу, брат?

– И не одну, – криво усмехнулся Мирон.

На сегодня у него стрелка сразу с двумя. Девки придут, в

этом он почему-то не сомневался. Вчера он зачуханный был, но не до такой степени, чтобы от него нос воротить. Семь лет назад девки его любили, симпатягой с большим штуцером называли. Скольких он перетрахал, не пересчитать. И этих кобыл трахнет. Только проблема – бабок нет. Может, Лишай с собой взять? Бабки у него водятся, пусть еще одну «полян» в кабаке накроет. От него не убудет.

– Ну так чо, давай на Машку.

Тут появился хозяин заведения. Среднего роста толстячок с впалыми глазами. Он заискивающе смотрел на Лишай.

– Все в порядке, Юра? Ничем вас не обидели? – осторожно спросил он, кивнув на стол.

– Все путем, Данилыч. Слушай, Данилыч, Машку твою трахнуть надо, – рассмеялся Лишай.

– Ну так в чем же дело? – Толстяк растянул рот в резиновой улыбке. – Машенька всегда рада услужить дорогим гостям.

– Но трахнуть не где-то, а прямо здесь, у тебя.

– У меня подсобка свободная, как всегда. Только будет ли вам удобно?

– Ничего, как-нибудь развернемся, – кивнул Мирон.

Перспектива размять чресла с симпатичной официанточкой его впечатляла.

– Тогда один момент. Машенька!

Данилыч исчез.

– Мирон, у тебя с бабками как? – спросил Лишай.

– Спустил карман, весь «воздух» вышел.

– Слушай, я тут подумал, – замялся он. – Ты за меня срок мотал, а я на воле гулял. И бабки, между прочим, делал. Много не намыл, «штук» двадцать баксов пока. Ну тачку там купил, на квартиру приличную коплю.

– Хорошо устроился. Короче!

– Короче, я тебе «штуку» баксов отстегну. Ну, как бы за моральный ущерб. Я бы и больше дал, но извини, брат, не могу.

Ход мысли у Лишая правильный, Мирону даже понравился. В натуре, он за него, за Горюна и Мультика зону топтал, и ничего с этого не имеет.

– Пять «штук» баксов с тебя в самый раз бы скачать, – в раздумье бросил он. – Но ладно, если, в натуре, не можешь, давай «штуку».

Вообще-то Лишай и на хрен мог бы его послать, а не тысячу долларов предложить. Ведь он сейчас в силе, серьезная команда за ним. А кто такой Скорпион? Да никто, хрен с бугра. Но Юрка никогда гнилым не был. Не завонялся и сейчас.

«Зеленый» «кусочек» был у Лишая в наличии. Прямо за столом он вынул из кармана десять стодолларовых купюр, свернутых в жгут и перетянутых тонкой резинкой.

– Держи! Это я у шефа своего спецом занял.

И, конечно же, растрепался, что кореш с зоны откинулся. Мол, за него, за Лишая, у хозяина гостил. Компенсация, дескать, ему за это причитается. Смотрите, мол, братки, какой

я понятливый, не «крыса» там какая-то. А ведь это немалый плюс к его авторитету.

Что ж, дураком Лишай не назовешь.

Мирон пересчитал купюры и небрежно сунул их в карман.

– А за «поляну» я сам расплачусь, – добавил Лишай. – И за соску Машеньку.

– А чо, она тоже по прейскуранту, как в меню, проходит? – расхохотался Мирон.

– Ну как же, чисто двадцать баксов за палку. Половина ей, половина Данилычу. Но я-то вдвое меньше отстегну.

– Это уже твои проблемы. Кстати, как там Горюн и Мультик?

– О, Мультик у нас теперь вроде как настоящий мультик, – покривился Лишай.

– Не понял.

– Если на наши, деревянные «лимоны», то он мультимиллионер. Уже пять лет как в бизнесе. Там купит, там продаст, потом на валюту конкретно сел и раскрутился, оборот. От армии отмазался, не то что я. Щас у него фирма своя в Москве. Крутой босс, на сраной козе к нему не подъедешь. На нефти он крепко сидит.

– Это интересно...

И в самом деле интересно. Особенно если учесть, что Мультик перед ним в долгу. В ба-альшом долгу!

– Каз-зел он, – сплюнул Лишай. – Встретились мы с ним, так он, представляешь, меня даже не узнал.

– Заржавел, в натуре. А Горюн?

– А Горюн горюет. – Юрке нравилось играть словами. – Его ж через год после тебя менты замели, хату он чью-то вроде как выставил. Слушай, он ведь тоже совсем недавно откинулся. Совсем плохой.

– Чего?

– На иглу плотно засел.

Горюн, двухметровый увалень с квадратным лицом, раньше «шмалью» баловался. Ну так чуть ли не все анашу смолили. На иглу же из них четверых подсел только он. В натуре, плохо.

Мирон хотел что-то сказать, но появился Данилыч.

– Господа, номер готов, – бодро отрапортовал он.

Мирон оставил Лишая за столом одного и двинулся в подсобку. Там его уже ждала Машенька. Мило так ему улыбается. У-у, шалава общепитовская!

– Добро пожаловать! – пискнула она, стягивая юбочку.

Под ней ничего не было.

Он начал без предисловий. Загнул ее раком, спустил до колен джинсы, выставил свой агрегат и взял ее «норку» на прицел.

– А резинку? – спохватилась Машенька.

Ну да, разбежался. Пусть цветы в противогазе другие нюхают. А ему вживую нужно. Сифилис, трипак – все это херня. И СПИД, кстати, тоже. Его «пики» не берет, а зараза заморская и подавно. И вообще, он ничего в этой жизни не

боится.

А Машенька?... А на нее насрать.

Отодрал он официантку от всей души. Только кончил рвановато. Ну так и не удивительно – сколько ж лет бабу не имел.

Мирон оттолкнул от себя Машку, натянул штаны, застегнул пояс.

– И все? – удивленно спросила та.

– А чо, мало?

– Данилыч говорил, что ты вроде как с зоны только что.

– Ну и?..

– Я думала, ты меня в зад попользуешь?... Вы ведь там только туда и пихаете. А скажи, когда мужик с мужиком, это хорошо?

Вот разговорила, шалава конченная.

– А вот это не твое дело, – беззлобно ответил Мирон.

И так же беззлобно вкатал ей оплеуху. Девка свалилась с копыт и села задницей на холодный, в опилках пол.

– Ты это... за базаром следи, – посоветовал он ей напоследок.

Проститутки – люди низшего сорта. Как петухи на зонах. Он питал отвращение и к тем, и к тем. Хотя вовсе не прочь был воспользоваться их услугами.

За столом рядом с Лишаем сидел Витька Горюнов.

– Долго жить будет, – указывая на него рукой, забасил Юрка. – Только вспомнили о нем, и появился.

– Здорово, Скорпион! – поднимаясь из-за стола, протянул ему руку Горюн.

– Привет, братан!

– Вот мы и в сборе. Мультика только нет, – посетовал Горюн, возвращаясь на место.

– Мы еще с ним повидаемся, – недобро усмехнулся Мирон. – Ты сейчас с кем?

– Я-то?.. Я сам по себе.

Горюн был под кайфом. Сразу видно. Но мыслил трезво, это хорошо.

Каким был он рослым, таким и остался. Но похудел, осунулся. Зато, чувствовалось, крепче стал. Ну это понятно, жизнь обкатала. Зона – это вам не курорт пионерский, там особо не разнежишься. Да и уличную закалку никуда не спишешь. А пацаном Витек был не хилым, и за себя всегда постоит, и за кентов.

– Ты, говорят, недавно откинулся?

– Да с месяц как, – нехотя ответил Горюн.

– Ты вроде как вором-домушником стал? – разливая по стаканам водку, спросил Мирон.

– Да какое там, – отмахнулся Витек. – Ширнуться надо было, а бабок нет. Ну и полез сдуру в чью-то хату. И попался. На зоне в «мужиках» ходил.

– А наркоту как доставал?

«Мужикам» на зоне расслабляться не полагается.

– Да никак. Ломало жуть как, а потом оставило. А как от-

кинулся, так по новой. Дурак я, не надо было начинать.

Ага, все так говорят.

– Чем живешь?

– Чем придется. Слушай, а чо все обо мне? Ты давай о себе.

Мирона о чем-то спрашивали, он что-то отвечал. А сам думал, напряженно думал. О бабках. «Штука» баксов – это хорошо. Но надолго не хватит. Он хотел не просто жить, а жить кучеряво. Но для этого нужно много «воздуха». И он уже знал, где этим разжиться. Но для дела ему нужен хотя бы один напарник. И, похоже, Горюн подходил. Неплохо бы и Лишай на дело подписать. Пацан толковый. Но у кореша своя команда, и его, похоже, никаким калачом оттуда не выманишь. И все же виды на приятеля иметь надо.

– Лишай, как у тебя со временем? – спросил Мирон, когда все было выпито и съедено.

– В смысле?

– Вечером ты свободен?

– А чо?

– В кабак в Москву слетать не слабо?.. «Поляна» за мной.

И телки будут.

– Да без проблем. Тачка за мной.

– Ну с тобой, Горюн, все ясно. Ты за это дело двумя руками.

– А то!

Витек сейчас почти на нулях. А гульнуть губа у него не

дура. Тем более на халяву. Но халява всегда обманчива.

* * *

Сегодня у всей честной компании выходной. Ленка и Катюха в Москву собираются. В кабак их пригласили. И Ксюше с ними хочется.

Вчера она немного задержалась, не вовремя к месту сбора подошла. Пока ее ждали, случай один вышел. Мирон, сосед ее, из мест не столь отдаленных домой вернулся. И по пути Пашу с Климом зацепил. Грубостью на грубость ответил, и началось. Обоих отмутил, да так крепко. Долго отходили, еле до столицы вчера доехали, с потугами клиентам ее с девчатами сдали. Но это уже другой разговор.

Главное, это Ленка. Приглянулась она Мирону. Он ей «стрелку» на сегодня в кабак накинул. И Катюху с собой взять не прочь. А про Ксюшу разговора не было. Жаль.

Помнит она Мирона. Отчаянный пацан, прирожденный лидер. Все вокруг него крутилось. Ксюша с открытым ртом на него смотрела, когда он мимо проходил. Высокий, худощавый, волосы черные как смоль, и глаза карие с хищным прищуром. Красавцем, правда, не назовешь. Черты лица у него неправильные. Но какой взгляд! Взгляд сильного, уверенного в себе мужчины. А еще обаяние. Жесткая, подчиняющая внутренняя сила в нем. Она волнами исходила от него, девчонки просто таяли. И она, несмышленная, влюбилась в него. Хотя что она, казалось бы, могла тогда соображать. В тринадцать-то лет.

Мирона посадили, Ксюша выросла, детская любовь потускнела. Но вспыхнула, когда вчера снова его увидела. Он стал еще выше, но такой же худой, как и раньше. И взгляд все тот же. Подавляющий. Излучение волевое все так же разит наповал. Она смотрела на него и совсем не замечала его ужасающего внешнего вида. Девчонки это заметили, но не придали этому особого значения. Они также поддались обаянию этого жестокого мужчины.

Жестокого мужчины... Да, он мужчина. Ему сейчас, наверное, двадцать пять. И жестокий. Ну почему он заинтересовался Ленкой, этой развратной потаскухой? Почему остался равнодушен к ней, Ксюше? Ведь она красивее Ленки. Хотя... Такая же потаскуха, как и ее подружка. Но кто сейчас не грешен?

Обычно в выходной Ксюша никуда не ходила. Лежала себе в своей комнатке, телевизор смотрела или книгу читала. Большого ей и не хотелось. Гулять – так она и в рабочее время только и делает, что гуляет. Но сегодня ей не сиделось на месте. Подружки с Мироном будут, а она дома?

Вот и заняла она сегодня после обеда место на скамейке у подъезда. Вроде как воздухом свежим подышать вышла. Так хотелось Мирона увидеть. Ведь он сосед, в одном с ней доме живет.

Его она увидела в пятом часу. Так и есть, прикид сменил, совсем неплохо обновка на нем смотрится. Прошел мимо, даже не взглянул. А она, дура, осталась ждать.

И дождалась. В полседьмого вечера он обратно из дому вышел.

– Сидишь, соседка? – грубовато спросил он, останавливаясь.

– Сижу, а что еще делать? – вроде как нехотя вскинула она на него взгляд.

– А прогуляться не хочешь?

Неужели он и ее с собой приглашает? Сердце радостно екнуло.

– Есть предложение? – но радости своей она не показала.

Нельзя показывать, что увлечена им. Нужно оставить в себе загадку, заинтриговать его. Мужики любят, когда бабы им на шею вешаются, но воспринимают их при этом как дешёвок.

– В Москву в кабак смотаемся, не против?

– Вдвоем?

Ей хотелось услышать утвердительный ответ.

– Нет, с толпой.

Хотя бы и так.

– Поехали. Только мне переодеться надо.

– Тогда поспеши, соседка, через десять минут отчаливаем. Тачка там, на улице.

И, уже не глядя на нее, Мирон направился к выходу со двора.

Ксюша неторопливо встала с лавочки, не спеша зашагала к подъезду. И, уже войдя, со всех ног рванула вверх по лест-

нице.

В Москву ехали на серебристой «девятке», вшестером. Мирон с друзьями. Она с подругами, с Ленкой и Катюхой. В тесноте и как будто не в обиде. Мирон всю дорогу молчал, к ним не оборачивался. И непонятно было, кому он отдает предпочтение, ей, Ксюше, или Ленке.

За рулем сидел крепко накачанный парень. Лишай у него кличка. И второго она знала. На Горюна отзывается. Дружил с Мирonom еще до того, как того посадили. Шайка-лейка у них была. Драки на дискотеках, хулиганские выходки, пьянки под забором. А потом прохожих грабить начали. Доигрались, словом. Но сел только Скорпион. А теперь вот, значит, они снова вместе. Горюн вроде как тоже на зоне побывал. А вот Лишай бог миловал. Сейчас он в команде Кравца, их группировка Добрин контролирует. Пашка Вертолет от них ни на грамм не зависит. Вертолет своих путан в Москве выгуливает, под «крышей» Перса. Поэтому Лишай, наверно, и не знает, кто они такие – Ксюша, Ленка и Катюха. Для него они легкомысленные девки, которым за радость погулять в кабаке. Чтобы затащить таких в постель, достаточно лишь хорошо накормить их и напоить. И Мирон с Горюном так думают. И не ошибаются ведь. Сегодня Ксюша, Ленка и Катюха будут крутить любовь не за деньги, а просто так, от хорошего настроения. Только будет ли хорошее настроение у Ксюши? Если Мирону достанется, тогда да, если другому, то нет. А другому она не достанется. Лишай и Горюн не клиен-

ты, она имеет полное право послать их подальше. Но, разумеется, послать вежливо.

Далеко в Москву углубляться не стали. Остановились возле первой же гостиницы с рестораном. Неплохой, кстати, ресторанчик. Прохладно, уютно, официанты угодливо суетятся, музыка играет. Заказ сделал Мирон. Не поскупился. Устрицы, икра, салат из креветок, стейки, шашлык. Чуть-чуть шампанского, для вкуса, и много-много водки.

Мирон чувствовал себя королем. Сильный, властный. Лишай тоже крутой бандит, мощная команда за ним. Но и этот признает превосходство Скорпиона над собой. Про Горюна и говорить нечего – тот вообще в рот ему смотрит, со всем соглашается. А на девчонок Мирон почти и не смотрит. Так, глянет иногда, улыбнется – мол, никуда от меня не денетесь.

Но чем больше он в себя вливал, тем чаще его взгляд останавливался на Ленке, ощупывал ее груди. А потом и вовсе придвинулся к ней и положил руку на ее голую ляжку. А та, дура, и рада.

Ксюше было обидно. Но она старалась этого не показать. Смеялась, заигрывала с Горюном. И на Мирона, казалось бы, ноль внимания. Этим она хотела привлечь его внимание к себе, вызвать ревность. Но ему все пофигу. Он Ленку уже обнял, уже рука на ее пышной груди. А на Ксюшу и не смотрит. Будто ее и нет за столом.

Настроение упало ниже некуда.

Этот Мирон – уголовник, бандит, отбросок общества. Он

гад, полное ничтожество, его можно только презирать. Но напрасно Ксюша внушала себе плохое о Скорпионе. Она только сильнее влюблялась в этого дьявола в человеческом образе. И поэтому она скинула с себя руку Горюна, когда тот вознамерился приблизить ее к себе.

– Э-э, я не понял, – пьяно возмутился тот.

– Я тоже, – в тон ему ответила Ксюша.

Она подумала, что Мирон посмотрит на нее. Но нет, тот целиком занят своей Ленкой. «Дурак и дура!..»

– Горюн, ты это самое, в натуре, с Ксюхой не здесь, – начал Лишай, но не договорил.

Он поднялся и куда-то ушел. Вернулся минут через двадцать.

– Сто сороковой, – сказал он Мирону и передал ему ключи.

Тот кивнул, взял Ленку за руку и повел к выходу из ресторана, но не на улицу, а в гостиницу.

Ксюше стало жарко. Мирон и ее подруга уходят в номера!..

– Во, в натуре, Горюн, смотри, твоя подружка чисто уже созрела! – осклабился Лишай. – Короче, голуби, ваш номер типа сто двенадцатый. – Он бросил Горюну ключи. – Кай-фуйте до утра. И мы пойдем, Катюха, да?

Не дожидаясь, пока та ответит согласием, он стащил со стола блюдо с остатками салата и початую бутылку водки. Затарился, что называется. Потом и Катюху в охапку сгреб.

А та рада.

Горюн и Ксюша остались одни.

– Ну чо, пошли? – Он смотрел не на нее, на стол.

Тоже запастись не прочь. Только жрать в своем номере будет один!

– Обойдешься! – шмыгнула носом Ксюша.

– Ты это брось, – прогундосил Горюн. – По голове, в натуре, схлопотать можно.

– Ты чо, угрожать? – взвилась Ксюша.

– Ща как врежу, тогда узнаешь. – Горюн поднялся с места и, пошатнувшись, медленно поднял на нее руку.

А ведь и правда ударит. Здоровый увалень, метра под два ростом, кулак пудовый. Если со всей силы приложится, мозги выбить может. Ксюша рывком вместе со стулом отодвинулась от стола, встала и отбежала от Горюна.

– За стол кто платил, ты? – с издевкой спросила она. И сама же ответила: – Нет, Мирон счет оплачивал.

– Да какая разница? – Горюн снова покачнулся и сделал к ней шаг.

– А такая?.. Кто платит, для того и музыка.

Она решительно повернулась к нему спиной и бегом направилась в гостиницу. Она знает, у кого найти защиту от этого пьяного увальня.

Дверь в номер сто сороковой была закрыта. Но это не могло остановить Ксюшу. Привыкшая к унижениям, она забарабанила в дверь. Ждать пришлось недолго – на пороге в од-

них трусах стоял Мирон. Уже успела раздеть его Ленка.

– Чего тебе? – беззлобно, но и без особой радости спросил он.

– Меня Горюн обижает!

– Чего?

– Хочет, чтобы я с ним спала.

– Ну так чо? Должна же ты с кем-то спать.

В голосе его и во взгляде было полнейшее к ней равнодушие.

– Но я не хочу с ним спать.

– Ну, это твои проблемы.

– А можно, я у тебя переночую?

– Раньше нужно было думать.

Как это, раньше нужно было думать? Неужели он мог бы уйти в номер не с Ленкой, а с ней, с Ксюшей? Надо было, наверное, вести себя немного иначе. Не заигрывать с Горюном. Эх, дура она дура.

Ладно, пусть эту ночь он переспит с Ленкой, от него не убудет. А потом будет спать с ней. Она добьется этого. Но начнет завоевывать его завтра, не сейчас.

Ксюша уже хотела извиниться и уйти, когда послышался разухабистый смех Ленки.

Она стояла за спиной Мирона, чуть левее. На ней не было никакой одежды.

– А почему нет, дорогой? – смеялась она. – Мы тебе с Ксюхой такой номер изобразим!

– Не понял.

– А сейчас поймешь! – Ленка схватила ее за руку и втащила в комнату.

Там она уложила ее на разобранную постель. Ксюша не сопротивлялась. Это было свыше ее сил. Она позволила подруге раздеть себя. Сладко застонала, когда ее голова забралась ей в междуножье.

– Ну, ништяк! – загоготал Мирон, когда Ксюша и Ленка поменялись местами.

Он зашел к ней сзади, мягкими плавными движениями огладил ягодицы, запустил руку вниз, пощекотал там. Ксюша застонала от кайфа. А когда он с силой вошел в нее, она чуть не умерла от восторга.

А потом они лежали втроем. Он в середине, они по бокам.

– Здорово это у вас получается, – глядя куда-то в потолок, разморенный сексом, сказал он.

– И у тебя неплохо, дорогой, – пропела Ксюша и нежно провела рукой по груди.

Она уже успела заметить, какие отметины оставила жизнь на его теле. Шрамы от колотых ран, рубец на ноге. Много успел повидать парень на этом веку. Не раз смотрел смерти в лицо. Неудивительно, что он такой жестокий и грубый.

– Вы чо, лесбиянки? – захохотал он.

– Нет, мы проститутки, – по-будничному просто сказала Ленка.

– Что? – встрепенулся Мирон.

– А ты что, разве не знал? – удивилась она.

– Так какого хрена вы раньше молчали? – Мирон не делал попытки встать, вырваться из их объятий.

Но тело его все же было напряжено. Появилось напряжение и внизу живота. Ксюша не сдержалась и обхватила его взбухший черенок обеими ладонями.

– Иди сюда! – потребовал он и сильными руками перевернул ее на живот.

Затем перевернулся сам и мощным толчком вошел в нее сзади. Как будто зверь в нем проснулся. Казалось, он не просто пользуется ею, а насилует. Грубо, жестоко, как будто за что-то мстит.

Да, он ей мстит. Мстит за то, что она проститутка. Что ж, он вправе так поступать. Ведь уже полгода, как она изменяет ему. Но больше не будет.

Мирон кончил и скатился с нее. Лег на спину и выставил на обозрение свой увядший стебель.

– Эй ты, шлюха, – он схватил Ленку за подбородок и показал пальцем на низ своего живота. – На клык давай, живо.

– Ты со мной на халяву, а потому без минета, – ей не понравилась его грубость.

– Заткнись! – он закатил ей пощечину.

Ленка замолчала и затравленно посмотрела на него.

– Мирон, ты только без рук, ладно? – залебезила перед ним Ксюша. – Я тебе сама все сделаю, тебе будет хорошо.

Она коснулась языком его груди и заскользила к низу жи-

вота.

– Ага, потрудись, крошка! – услышала она его злорадный смех, когда рот заткнул кожаный кляп.

Он издевался над ней, куражился. И странно, она готова была терпеть.

* * *

Ну и соседка у него, мать твою. Будто мотор у нее во рту, с такой силой «поршень» в себя заглатывает, и глубоко. Шлюха, блин.

Еще в ресторане он понял, что Ксюха лучше Ленки по всем статьям. Единственный недостаток – не блондинка. Ну и хрен с ним. Нравиться она ему стала. Но не настолько, чтобы ради нее кинуть Ленку. Уж больно баба к нему прикипела. Зато он был рад, когда Ксюха попросилась к нему, а потом ему на потеху обе девки устроили лесбос-шоу. Обалденное зрелище. И Ксюха баба обалденная. Занялся он ей вплотную. Тащится от него девка, сразу видно.

Все хорошо, только она проституткой оказалась. Вместе с Ленкой, в рот их обоих. Вот сейчас одна работает в режиме «помпы», затем вторая начнет. Никуда эта Ленка не денется. Раз проститутка, значит, бери за щеку. А еще раз вякнет, будет жалеть об этом всю жизнь.

Ленка, лахудра сисястая, поняла свою ошибку. Исправила ее. Только после этого он ее в сторону отставил. Лежи и не рыпайся. А сам вплотную Ксюхой занялся. Оказывается, сама мысль о том, что она путана, возбуждала его как тыся-

ча Ленок сразу. Дрянь она, курва, соска, тварь продажная. А поди ж ты, от этого на нее стоит, не опускается. До самого утра харил ее, и так и этак в нее заходил. Все позволяла. Мало того, сама просила. Хорошо с ней, ой как хорошо. Невозможно оторваться.

Только уже когда рассвело, у него закончились силы и он слез с Ксюши. И она обессиленно растянулась рядом с ним. Ее рука легла ему на грудь. На это он никак не среагировал.

– Мирон, я хочу открыть тебе один секрет, – нежно прошептала она ему на ухо.

– Ну...

А вдруг она скажет ему, где взять денег. А деньги нужны. Очень нужны. Без них он никто.

– Я тебя люблю, еще с детства.

Совсем крыша у девки поехала. Шлюха конченная, а о любви вдруг какой-то заговорила. Нашла, блин, с кем и когда нежности телячьи разводить.

– Ты самый лучший.

Она губами прикоснулась к его щеке.

– Да пошла ты, сука! – не выдержал он и с силой оттолкнул ее от себя.

Тварь, шалава хренова, а еще строит из себя ангелочка. На хрен ему нужна эта «вафельная» любовь.

Ксюша скатилась с кровати, свалилась в проход между ней и стенкой. Подниматься не торопилась.

– За что ты меня так? – заплакала она.

Но он не обращал на нее ни малейшего внимания. Оделся, достал из кармана двадцать долларов, бросил на кровать.

– До дому сами, мля, доберетесь.

И ушел, хлопнув дверью.

* * *

Ксюша плакала навзрыд. Мирон оскорбил ее, растоптал, унизил. Она ему в любви призналась, а он ее за это с кровати толкнул. Лучше бы он ее убил.

Но она сама во всем виновата. Никто не заставлял ее выходить на панель, она по своей воле путаной стала. А проститутки для Мирона как бы и не люди. Они не имеют права на любовь.

Мирон хороший, он лучше всех. Это она дрянь. Она очень виновата. Но слез от этих мыслей становилось только больше.

Глава 2

Офис фирмы «Ростоп» размещался в отреставрированном старинном здании в центральной части столицы. У входа молодой охранник с пластилиновой улыбкой.

– Простите, вы к кому?

Мирон с удовольствием послал бы этого придурка, но сдержался. Ему нужно попасть к Мультику.

– Господин Чебурнов мне нужен, – буркнул он, грудью проламывая себе дорогу вперед. – Это мой кент, мать твою.

– Эй, погодите! – завозмущался охранник, оттесненный в сторону. – Я вас должен записать.

– Записывай, – лениво бросил Горюн.

Он пришел сюда вместе с Мироном. Но к самому Мультику ему идти вовсе не обязательно. Он остался у входа в офис.

По мраморной лестнице Мирон поднялся на второй этаж, зашел в приемную.

– Извините, господин Чебурнов сейчас занят, – пискнула длинноногая секретарша, грудью перекрывая ему дорогу к Мультику.

А грудь у нее очень даже ничего.

– Да мне начхать! – ощерился Мирон и с видом знатока ощупал секретарше грудь. – А она у тебя ништяк.

– Ну знаете! – хватая ртом воздух, взвизгнула девица и отскочила в сторону.

Ее картинная мордашка стала красной, как спелый помидор.

– Я все знаю, – ухмыльнулся он, открывая массивную дверь с золоченой ручкой.

– Игорь Иванович, извините, я не впускала сюда этого грубияна! – оправдываясь перед начальником, чирикнула пташка.

Кабинет у Мультика солидный. Компьютер, телефон, телефакс, всякая прочая мутота. Два кондиционера прохладу создают. Сам он сидел, развалившись в кресле, и о чем-то напряженно думал. На непрошеного гостя посмотрел недовольно. Как же, ходят тут всякие, думать мешают. Через мгновение в его взгляде появилось узнавание. Но недовольства при этом только добавилось. И все же он улыбнулся. Вернее, попытался это сделать.

– Вернулся, значит. Ну привет, Мирон! – он протянул ему руку.

Хотя бы задницу свою толстую приподнял, боров зажавшийся.

Еще в детстве Мультик был толстячком. Над ним все смеялись, прикалывались. Когда повзрослел, жирку убавилось. Боксом он занялся. И неплохо, кстати, дрался. Поэтому Мирон и взял его в свою уличную компанию. Только уже и тогда от него гнильцой отдавало. Как по бабам ходить, так он первый, как с кем-то разборки клеить, так он в задних рядах.

Пока Мирон срок мотал, пройдоха Мультик капитал ско-

лачивал. За семь лет до значительного человека вырос. Бензиновая компания, с десятков автозаправок в одной только Москве. Сытная жизнь у него настала. Вон ряху отъел, брюшко появилось. И глазки уже жиром заплывать начинают.

– Здоров, Мультик! – Мирон руку ему не пожал, а лишь хлопнул ладонью по ней. – Кучеряво, смотрю, живешь.

– Да стараюсь.

– А я вот с зоны откинулся.

– Поздравляю! – его губы растянулись в резиновой улыбке.

– И я тебя поздравляю.

– С чем?

– Фирма у тебя своя, бизнесмен ты у нас крутой. А ведь мог бы сейчас бывшим зэком быть, и хрен бы у тебя что было.

– Спасибо, что не сдал меня, – выдавил Мультик.

– То-то же...

– Хотя, если честно, я вроде как и ни при чем был.

– Не понял!..

– Не хотел я тогда с вами идти и мужика того не бил.

– Отмаз не проходит, – рассмеялся Мирон. – Ментам до хрена, чем ты занимался. Главное, ты был с нами, а значит, соучастник. И пару-тройку лет тебе бы накинули в пять секунд.

– Может, и так, – нахмурился Мультик. – Но я не хочу

ворошить прошлое.

Ему явно не терпелось избавиться от гостя. Но Мирон уходить не собирался.

– Кстати, – словно бы спохватился Мультик. – У тебя с работой как?

– А никак.

– Могу тебе предложить место на автозаправке.

Вот козел, нашел чем откупиться.

– Ага, мудакам всяким бензин в баки заливать? Хрен ты угадал!

– Ну, тогда извини! Ничем я тебе помочь больше не могу, Мирон. – Мультик демонстративно посмотрел на часы. – Но мне ехать надо, встреча очень важная.

– Не-е, братан, важнее нашей с тобой встречи ничего быть не может. Короче, нам с тобой насчет откупных надо решить.

– Каких таких откупных?

– Я на зоне парился, а ты бабки делал. А ведь ты должен был тоже сидеть.

– А-а, я все понял, – Мультик открыл ящик стола и достал оттуда три стодолларовые купюры. Протянул их Мирону. – Извини, брат, больше в наличке у меня ничего нет.

– В задницу свою толстую это засунь!..

– Подожди, я тебе еще пару стольников накину, – засуетился Мультик.

Вот мудозвон. Пятью сотнями баксов откупиться вздумал. Нашел идиота. Лишай и то вдвое больше дал, а уж у

него куда меньше бабок, чем у этого борова толстокорого.

– Ты чо, козел, охренел, в натуре! – заорал на него Мирон. – Пятьдесят тонн баксов с тебя, и ни цента меньше. Понял?

– Пятьдесят тысяч? – У Мультика даже челюсть отвисла. Вот жлоб!

– Срок тебе три дня. Не отстегнешь, всю жизнь жалеть будешь. Это я тебе обещаю.

В ответ Мультик только усмехнулся.

– Запомни, Мирон, здесь тебе не шарашкина контора. На меня серьезные люди работают. И будь уверен, я найду на тебя управу. А теперь пошел вон!

А вот это он зря.

– Да я тебя ща по стене размажу, падла ты мокрозада! – Мирон вскочил со своего места и кинулся на бывшего дружка.

Но Мультик вовремя оценил ситуацию и выставил вперед руку. Мирон наткнулся на кулак и чуть не потерял равновесие.

Удержавшись на ногах, Мирон уже снова хотел броситься в атаку. Но в кабинет ворвались мордовороты в белых с галстуками рубашках. Они скрутили его по ногам и рукам. Хрен от них вырвешься.

– Вон этого ублюдка! – приказал им Мультик. – И только попробуйте его снова сюда пустить.

Мирона грубо потащили к дверям. Но он успел выкрик-

нуть:

– Не забывай, срок у тебя три дня. Готовь бабки, козляра! Он предупредил. Так что пусть этот козел потом пеняет на себя.

* * *

Игорь Чебурнов вздохнул с облегчением, когда за Мироном захлопнулась дверь. Совсем оборзел, гад ползучий. Пятьдесят штук «зеленью» требует. И за что? За то, что в зоне вместо него сидел.

Ага, вместо него. Как бы не так. Сам вместе с Лишаем и Горюном заставляли его с мужика шапку снимать, бумажник из кармана куртки вытаскивать. А ему не хотелось этого. Он уже тогда знал, как заработать деньги если не честным, то близким к этому путем.

Кровью и потом зарабатывал он свой первоначальный капитал. Сначала фарцой занялся. Без выходных и проходных вкалывал. Потом валютой занялся. И тут только успевай крутиться. Брокером одно время на фондовой бирже работал. Не под дядю – под себя все греб. Большие бабки делал. А как рисковал, аж вспомнить страшно. Десятки раз на волоске висел, дотла мог разориться. А сколько раз мог пулю схлопотать! Но нет, каждый раз фортуна миловала, проносила беду мимо. В девяносто третьем году у него на счетах лежал без малого миллион долларов. В рискованное, но высокодоходное дело их пустил. Нефть, бензин. На этот товар спрос всегда высокий. Но и конкуренция жестокая. То одного коммерсан-

та замочат, то другого. Но ему везло. Никто не заказал для него пулю.

Дело шло на лад, набирало обороты. И вот по прошествии года он владелец целой сети автозаправочных станций в Москве. И это только начало.

Денег, конечно, хватает. И они в деле, но есть и свободные средства. По крайней мере, пятьдесят тысяч найти можно. Но расставаться с ними за хрен собачий он не собирается.

Нет, костыми ляжет, но не отдаст Мирону денег. Знал бы тот, с каким трудом эти баксы ему достаются.

Но нужно что-то придумать. Мирон мужик крутой. Слов на ветер не бросает. Если угрожает, значит, что-то затеял. Достанет ствол, подкараулит его где-нибудь и пулю в затылок. Кто-кто, а Мирон на «мокруху» способен.

Через час после разговора с Мироном Чебурнов вызвал к себе начальника службы безопасности.

Бывший разведчик, Семен Михайлович был отличным специалистом. Всего шесть охранников и два телохранителя в его распоряжении. Но этого вполне хватает. Только охрана шефа лишь часть его обязанностей. Основная же задача – работа с конкурентами, сбор информации о них, разработка вариантов их нейтрализации и так далее. Для этого он сумел наладить отличные связи и с силовыми структурами государства, и с криминальным миром. Именно поэтому не составит особого труда ликвидировать Мирона физически.

– У меня есть на примете один кадр, – вникнув в си-

туаацию, сообщил Семен Михайлович. – Для такого случая вполне годится. И возьмет недорого. Всего три тысячи долларов...

– Вот и отлично. Три тысячи – это не пятьдесят. Помните, срок всего два дня!..

– Возьму дело под жесткий контроль.

– Надеюсь, что прокола не будет.

– Исключено...

Чебурнов посмотрел на часы. Время, отпущенное в этой жизни Мирону, начало отсчитывать последние минуты.

* * *

Не хочет Мультик делиться. Что ж, тем хуже для него. Ни под каким предлогом Мирон не отступится от этого козла, пока не скачает с него бабки. Разве что только атомная война помешает, и то если бомба на Москву упадет.

«Полштуки» баксов он просадил в кабаке с девками. Хорошо гульнули, нечего сказать. Хорошо еще, за сосок платить не пришлось. Выходной у них был, мать их так! Вторую половину «штуки» Мирон Лишаю отдал. Тот ему ствол достать обязался. И достал. «Макаров» со сбитым номером, возможно, «засвеченный». Ну да какая на хрен разница?.. А еще Лишай показал, как «пушкой» пользоваться.

Мирон входил во двор своего дома со «шпалером» – за пояс джинсов его сунул, под выпущенную рубаху. Что ни говори, а приятно ощущать тяжесть настоящего оружия. Пистолет отстрелян, смазан, заряжен. Только дослать патрон в

патронник, и тогда... Пусть Мультик заказывает себе похоронную музыку!

* * *

Ксюша шла на работу. Все на ту же самую. Сейчас перейдет через двор, по улице доберется до станции, сядет в «Волгу» Вертолета и в Москву. И снова клиенты, клиенты...

Проходя мимо подъезда, где жил Мирон, она невольно замедлила шаг. Ей показалось, что на скамейке под виноградной беседкой сидит он. Но нет, это другой человек. Совсем незнакомый. Сидит себе с полузакрытыми глазами да покачивается взад-вперед. Нажрался дядя, да некуда приткнуться.

Она уже подходила к подворотне, когда ей навстречу попался Мирон. Идет, о чем-то думает. Сам себе приятный. И такой желанный...

– Привет, – улыбнулась ему Ксюша.

Ей бы мимо пройти. Крепко он обидел ее не так давно. Столкнул с кровати, грубо обругал. Такое не прощается. Но она уже его простила. Не могла не простить.

– А-а, это ты...

Он едва взглянул на нее. И прошел мимо, даже шаг не замедлил.

Но Ксюша не обиделась. Мало того, она остановилась, повернулась к нему, проводила его взглядом до самого подъезда.

Он скрылся в дверях. Ксюша тяжело вздохнула и уже ста-

ла разворачиваться в обратном направлении, когда увидела, как быстро поднялся со своего места алкаш. Несколько шагов, которые отделяли его от двери подъезда, он прошел твердо, уверенно. Совсем на пьяного не похож. И чего это он за Мироном устремился?

А если?.. Страшная догадка сорвала ее с места.

* * *

Мирон поднимался по лестнице чуть ли не бегом. Скорее запереться в своей комнате, достать пистолет и с наслаждением подержать его в руке. А чего ждать? Он не утерпел и достал «игрушку», не снимая ее с предохранителя, выстрелил в незримую цель. Еще выстрел, еще – цель поражена. Скоро он будет стрелять по-настоящему.

Сзади слышались шаги. Кто-то нагонял его. Надо спрятать ствол. Не хватало еще, чтобы соседи увидели.

– Мирон, берегись! – услышал он снизу голос Ксюши.

Он резко обернулся и увидел, как человек сзади быстро вынимает из хозяйственной сумки какой-то предмет. Да это же ствол, да еще с глушителем. Еще мгновение, и он выстрелит. Вот, мля, на киллера напоролся.

Мирон не растерялся и рванул вверх по лестнице. Вот уже и площадка, сейчас он резко свернет и выиграет несколько драгоценных минут.

Сзади слышался чей-то сухой кашель. И что-то обожгло левый бок. Да в него уже стреляют.

Он успел завернуть на следующий лестничный марш,

снял «ПМ» с предохранителя, передернул затвор. Киллер продолжал стрелять. Но пули не доставали Мирона. Открыл огонь и он. И только с пятого раза достал киллера. Пуля разворотила ему правое плечо, и пистолет с глушителем гулко ударился о лестницу.

Пока Мирон соображал, киллер включил заднюю скорость и во весь опор понесся вниз по ступенькам. Мирон кинулся за ним, но его остановила резкая боль в боку. Блин, да он же ранен! Зажимая бок рукой, он покачнулся и повис на перилах. Откуда-то снизу прибежала Ксюша.

– Вот гад, чуть не сбил меня! – это она о киллере. – Мирон, что с тобой, ты ранен? – а вот это уже к нему.

– Да так, херня. Ты это, «пушку» – вон, на полу, – подбери. Плохо ему, очень плохо. Слабость навалилась безвольной тяжестью, перед глазами пошли круги – он терял сознание. Но о брошенном киллером пистолете не забыл.

Мирон не помнил, как оказался в незнакомой комнате. Кто и как оттащил его сюда из подъезда.

Он лежал на широкой кровати, у изголовья сидела Ксюха.
– Очнулся? – заботливо спросила она.

Значит, какое-то время он был без сознания.
– Пуля по касательной прошла, навывлет, – сказала она. – Но не так все просто. Надо бы в больницу. Да тебе нельзя.

– Где я? – спросил он.
– У меня в комнате.

Насколько он помнил, они жили в разных подъездах.

– Ты меня, что ли, сюда?..

– Ага, я. Тяжелый ты, но не для меня. Я тебя на руках на третий этаж, на чердак, а потом в свой подъезд, к себе в квартиру. Рану обработала, перебинтовала. Я ведь медсестра по образованию.

– Надо было ко мне домой.

– Ни в коем случае!

– Почему?

– За тобой киллер охотится. Он знает, где ты живешь. Дома он тебя достанет.

Соображает девка. Но оно и понятно. Путаны, они многое об этой жизни знают, особенно с теневой ее стороны.

Только фигня все это. Если за него взялись всерьез, то быстро смекнут, что к чему. Сопоставят то и это и выйдут на Ксюху. Прикончат и его и ее заодно.

Мирон знал, кто открыл на него охоту. Толстяк Мультик, больше некому. Не хочет отдавать деньги, падла, ой как не хочет. Даже киллера нанять не побоялся. А ведь они когда-то друзьями считались. Стоп! Где деньги, там друзей нет.

Жаль, не предугадал он ход Мультика. И подставился под пулю. Это еще спасибо Ксюхе, вовремя предупредила.

– Ты не волнуйся, все обойдется, – она заботливо погладила его по волосам.

Думает, если спасла его, то можно телячьи нежности разводить?.. А почему бы и нет?..

– Ствол с глушаком забрала?

Этот вопрос волновал его больше всего.

– Да. – Она подошла к столу, открыла ящик и достала пистолет.

– Дай сюда.

Оружие иностранное. На левой стороне выбито «смит-вессон». Только патронов в магазине всего три. Но ничего, «семечки» куда дешевле, чем пистолет. Уж как-нибудь раздобудет.

– Пусть он у тебя под подушкой полежит, – решила Ксюха. – Вдруг кто-нибудь нагрянет.

Да, она точно не дура.

– А у меня твой будет, – добавила она. – Я ведь умею стрелять.

Комната целиком в распоряжении Ксюхи. И в доме она за главную. Она запретила кому бы то ни было из домашних заходить к ней в комнату. И запрет этот соблюдался.

Неделю пролежал он здесь. И все это время она постоянно находилась при нем. Даже дела свои блядские забросила. Ухаживала за ним, перевязывала, кормила, поила. Каждую пылинку с него сдувала. И все так преданно на него смотрела. Шлюха...

С каждым днем ему становилось все лучше. На поправку дело шло очень быстро. Организм такой – как на собаке все заживает. Какой уж раз он в этом убеждается.

– Может, ты мне еще и девку приведешь? – однажды, когда ему стало совсем хорошо, пошутил он.

В натуре, за лекарствами ходит, за харчами тоже. Так почему бы ей еще и девку ему не привести.

– Мирон, ты только скажи, я все сделаю, – залебезила она.

А ведь и в самом деле приведет, только скажи. И ноги о себя вытереть даст. Такая заботливая и преданная, что аж противно.

– Все сделаешь? – усмехнулся он. – Тогда лезь ко мне!

Зачем ему какую-то там девку, если есть она? И красивая, и свежая, и такая податливая.

Ксюха только рада его приглашению.

Через две недели Мирон уже твердо стоял на ногах и мог ходить. Но Ксюха продолжала ухаживать за ним с таким же рвением, как и в первые дни. Хорошая она девка, ничего не скажешь. Только не больно-то она ему нужна.

Этот день он решил еще поболеть. А завтра, извините, у него дела. Горюна надо повидать. И с ним уже решать, как до Мультика добраться. А он доберется, вытрясет бабки из козла вонючего.

Ксюха ушла в магазин. Вернулась через час. Глаза красные от слез. Губа распухшая. Основательно кто-то приложился к ней.

– Кто это тебя? – спросил он.

– Да Пашка, – всхлипнула она.

– Какой на хрен Пашка?

– Тот, который сутенер.

– Чего он?

– У меня же две недели прогула. За тобой ухаживала.

– По башке получит твой Пашка, – пообещал он.

– Правда? – обрадовалась она.

– Да без проблем. Слушай, а сколько этот Пашка с вас в месяц имеет?

Кстати, интересный вопрос.

– А ты посчитай. Нас четверо, – принялась объяснять она. – Я, Ленка, Катюха, Валюта. Такса стандартная – тридцать баксов в час или столычник за ночь. Меньше сотни редко бывает. В месяце дней двадцать пять рабочих. Умножай эти дни сначала на четыре, а потом на сто. Получается десять тысяч долларов. Из них Пашка себе тысяч шесть заберет, остальное нам.

Шесть тысяч баксов в месяц. Ну еще пару тысяч Паша за «крышу» отвалит, штуку своему компаньону отстегнет. Итого чистоганом – три «тонны» баксов. Неплохо, совсем неплохо. А если число девок раз эдак в десять увеличить и цену втрое поднять. Это около ста тысяч долларов выходит. С ума сойти, какие бабки!

Надо, пожалуй, всерьез заняться этим делом. Не так все, конечно, просто, как кажется. Но ему любое дело по плечу.

– А ты сама сколько имеешь? – снова спросил он.

– Когда «штуку» баксов, а когда и меньше.

– А как ты смотришь на то, чтобы иметь втрое больше?

– Я бы хотела совсем завязать с этим делом, – печально улыбнулась ему Ксюха.

– Чего так?

– Надоело мне все это до чертиков. Нормальной жизни хочу.

– Ну, ты это брось!

Мирон смотрел на нее уже как на свою собственность. Ксюха станет работать на него – и это вопрос решенный.

Она хотела принадлежать ему. Но не в качестве живого товара. Она любила его и мечтала жить с ним. Но Мирон этого как будто не замечал. Для него она как рабыня. Он позволяет ей находиться при нем – достаточно с нее и этого.

* * *

Найти Горюна не составило труда. У него своя комната в коммунальной квартире. Там он его и застал.

– О, Мирон, куда это ты запропал? – обрадовался парень.

И тут же:

– Слышь, друган, тридцать баксов позарез нужно.

В глазах мольба и надежда.

– Чо, ширнуться не на что? – Мирон сразу понял, зачем ему бабки.

Ломки у Горюна начались.

– Не на что, брат, угадал.

С бабками у Мирона и у самого туго. Но тридцать долларов нашлось. Стольник «зеленый» он у Ксюхи занял. Только отдавать, наверное, не придется. Не потребует она возврата, такая уж она баба.

Он отсчитал ему тридцать долларов. Горюн только при-

коснулся к ним, и они тут же оказались в его кармане. Фокусник, в натуре.

Только через час, когда Горюн укололся, с ним можно было поговорить.

– К тебе никто не приходил, обо мне не спрашивал? – поинтересовался Мирон.

– Да нет вроде... А что?

– А то! Мультик меня заказал.

– Это как?

– Киллера нанял.

– А-а...

– Короче, мочкануть нас с тобой могут.

– Могут, – легко согласился Горюн.

Ему сейчас все пофигу.

– Мультика надо делать.

– Надо!

Да-а, интересный разговор получается. А какого хрена вообще с ним говорить?..

– Побудь здесь, я сейчас.

Мирон оставил его одного и вышел на улицу. В двух кварталах от дома находился междугородный телефон-автомат.

* * *

Чебурнов взял телефонную трубку. И вздрогнул.

– Ну чо, мурло, не ждал? – подал голос Мирон.

– Нет...

Он что, звонит с того света?

Киллер выполнил заказ. По крайней мере, так он доложил Семену Михайловичу.

– Бабки приготовил?

Мирон жив. Значит, киллер обманул. Какого-то ненадежного исполнителя нанял Семен Михайлович. Ну да за три тысячи баксов разве можно найти настоящего профессионала? Да, скупой платит дважды.

– Да, конечно, – поспешил ответить Игорь.

– Сразу бы так. А то киллера на мой адрес высылаешь.

– Мирон, ты что-то путаешь.

– А вот свистеть не надо. Короче, бабки гони!

– Куда, в какое место привезти?

Но ничего, он еще доберется до Мирона. Семен Михайлович другого киллера организует, втрое больше ему отстегнет. И это уже будет гарантия. Мирон за бабками придет, кейс возьмет, а тут его и хлопнут.

– А вот это я тебе завтра скажу. Жди звонка, козляра!

В трубке послышались короткие гудки.

* * *

Лишай тоже не пришлось долго искать.

Он и еще несколько «быков» из его команды пировали в кафе на рынке.

– Брат, куда ты запропал? – спросил он, усаживая его за стол.

– Да дела. Мне бы с твоим шефом встретиться...

– Не понял, – пьяно помотал головой Лишай.

– Чего не понял?

– Если ты про «бригадира», то я сам себе теперь «бригадир». В натуре, братва?

– И нам «бригадир», – подтвердили бритоголовые крепыши в спортивных майках. – Лишай у нас в авторитете, без понтов.

– А ты чо думал, мне всю жизнь в «быках» ходить? – хлопнул Мирона по плечу Лишай. – Мы расширяемся, брат, до Москвы, блин, дотянулись.

Пацан он толковый, базара нет. И косяки на себя не вешает, и котелок варит. А потом в команде уже два года как. Давно уже пора из «быков» повыше сигануть. Вот и сиганул. Команда сферы влияния расширила, до Москвы вроде как добралась. Старого «бригадира» на новые «пастбища» бросили. А Лишай подняли, поставили на его место. Знать, немалый у него авторитет.

– Тогда у меня к тебе дело.

– На сто миллионов?

– На двадцать «тонн» баксов.

– Не хило. Что там у тебя, говори, здесь все свои, – обводя рукой компанию за столом, пробасил Лишай.

– Сколько у тебя братков под рукой?

– Да с десятка полтора наберется.

– И все при стволах?

– Обижает, брат.

– На всех двадцать «штук» даю. А работы всего ничего.

* * *

Наемный убийца уже наготове. Сработает чисто и без обмана. Только вот за Мирона зацепиться бы.

Едва Чебурнов подумал об этом, как зазвонил телефон. Он снял трубку.

– Ну чо, рыло, бабки приготовил?

– Ну а как же? Куда везти, ты только скажи.

– Везти?.. Ты чо, гонишь?.. Я сам к тебе приеду. Жди!

На том конце провода положили трубку.

Совсем рехнулся Мирон. Срежь бела дня заявляться в офис за деньгами! Ему что, жить надоело?

Чебурнова чуть удар не хватил, когда в его «контору» вошла чертова дюжина крепко накачанных ребят. Пятеро вошли в его кабинет.

– Чо, падла, совсем охренел? – Один из качков вплотную подступил к Игорю. – На кого, падла, руку поднял?

Чебурнов узнал Лишай. Рожа бандитская, оскал звериный, золотая цепь в палец толщиной на воловьей шее. И перегаром на него дышит.

– Юрка, привет, – проблеял Мультик.

– На конце я твой привет видел. Какого хрена ты, мразь, киллера на Мирона натравил?

– На какого Мирона? – сделал он недоуменный вид.

– Ну ты козел!

Лишай сделал выпад и врезал ему кулаком под дых. Мультик согнулся вдвое и закричал от боли.

– Мирон, мля, на зоне срок за тебя тянул, ты ему за это заплатить должен!

– Это он тебя послал?

– А ты думал?

Он знал, кем стал Лишай. Бандит из новых. Команда, где он «быкует», контролирует Добрин. Организация достаточно серьезная. А может, Мирон тоже в этой команде?.. Только и у Чебурнова есть прикрытие. Бандитская «крыша».

– Зря ты, Лишай, на меня наехал, – угрожающе сузил он глаза. – Ведь есть кому за меня заступиться.

– Ну-ну, – усмехнулся Лишай. – Кто тебя кроет?

– Сизый.

– Знаю такого, серьезный дядя. А он, между прочим, на зоне бывал.

Две ходки у Сизого. Из матерых уголовников.

– Ну и что?

– А то, что Сизый тебя с дерьмом смешает. Не, ну это пи-сец, откупной зажать, да еще киллера заказать.

А ведь Сизый и в самом деле может его не понять. Он же вроде как из правильных воров, все у них там по понятиям.

– Да не заказывал я киллера, – обмяк Мультик.

Лишай с сожалением посмотрел на него и вдруг снова ударил ногой в живот. Мультик согнулся в три погибели. И тут же сильная рука схватила его за волосы и вздернула голову кверху.

– Слушай, ты, мудила, на хрена мне тут с тобой прохля-

ждаться! Короче, бабки гони! Иначе писец.

Лишай отпустил руку, Мультик задом попятился к декоративному сейфу в стене. Достал ключ, вставил его в скважину, открыл. Через минуту на стол легли пять банковских упаковок стодолларовыми купюрами.

– Вот, можешь отдать это Мирону! – с чувством исполненного долга выдал Мультик.

– Сколько здесь?

– Пятьдесят «штук».

– Мало!

– Но мы же так с Мироном договаривались, – испугался Чебурнов.

– Так это когда было-то?.. А потом твой киллер, мать его так, Мирона на пулю подцепил. Чуть копыта пацан не отбросил. А за это компенсация требуется. Короче, семьдесят «тонн» «зеленю», понял?

Игорь облегченно вздохнул и снова вернулся к сейфу. Достал двадцать тысяч и добавил к пятидесяти.

– Сразу бы так, козел недоделанный! – Лишай сгреб бабки, бросил их в сумку, которую раскрыл перед ним один из братков.

– Да, кстати, здоров, Игорек! Как твои дела? – спросил он очень вежливо.

И улыбнулся с издевкой.

– Да пошел ты, – буркнул Мультик.

Ни секунды больше не хотел он разговаривать со своим

другом детства. Да и тот, похоже, не напрашивался на продолжение встречи.

– Как скажешь, – пожал плечами Лишай, по-приятельски легко стукнул Игоря кулаком в грудь. – Бывай!

Повернулся и вышел из кабинета. За ним двинулись остальные.

* * *

Мирон и Лишай сидели вдвоем на заднем сиденье роскошного джипа «Чероки». Новоявленный «бригадир» знал, на чем ездить.

– Ну чо, Мирон, все путем. – Юрка протянул ему три пачки долларов. – Здесь тридцатник, как договаривались. Двадцать мне, тридцать тебе.

– А может, ты с него больше, чем полтинник, скачал? – подозрительно посмотрел на него Мирон.

– Да ты чо гонишь? – Юрка заложил руки за шею, потянулся и зевнул во весь рот. – Полтинник дал, и все!

– Ну, спасибо, братан, выручил!

– Да чего там. Когда надо, всегда обращайся, поможем. Слушай, а может, ты ко мне в «бригаду»? – как-то вяло предложил Лишай.

– Да нет, я сам по себе.

– Ну, как знаешь, – не стал уговаривать Юрка.

Да оно и понятно. Место в «бригаде» предложил чисто из приличия. А так он вряд ли хотел иметь «быка», который и на воле, и на зоне был в каком-никаком, но в авторитете. И

опомниться не успеешь, как место свое потеряешь, возможно, даже вместе с головой. Мирон ведь в низах ходить не любит, ему выше всех быть надо.

– Мне тачка нужна, своя, – сказал Мирон.

– А права есть?

– Да в школе еще получил.

– Так там же «С» категория. Ну да хрен с ним, у меня тут свои в ментовке, переделаем категорию. Тебе тачку новую? И какую?

Мирон хотел «девятку», новую. Лишай взял бабки, банковскую упаковку. И права забрал.

– Завтра после обеда пацан к тебе подкатит, тачку пригонит, – сказал он. И добавил: – Сдачу сполна получишь. Я себе ничего не возьму.

На следующий день ближе к вечеру во двор Миронова дома въехала «девятка» цвета мокрого асфальта. Из нее вылез бритоголовый крепыш с хищным прищуром.

– Клевая тачка! – подала голос Ксюха.

Эту ночь он провел у нее. Дома стало опасно. Хрен его знает, не послал ли Мультик к нему нового киллера? А у Ксюхи хата вроде не «засвечена».

Мирон подошел к окну. Глянул вниз. Тачка совсем новенькая, и водила из братков – значит, это к нему.

– Ты со мной поедешь? – лениво спросил он.

– С тобой? Куда? – встрепенулась она.

– Куда, куда, в Москву. Там жить буду, хату сниму.

Для себя он все решил. В Добрине оставаться опасно. Да и простора здесь не хватает. То ли дело столица, там уж можно развернуться.

– Ты это серьезно? – засуетилась Ксюха.

Глаза ее зажглись радостью. А чему радоваться? Можно подумать, жизнь с ним малина.

– А я разве люблю шутить? – спросил он.

– Да нет.

– Тогда собирайся, через час уезжаем.

– На чем?

– Да вот на этой тачке. Короче, время пошло.

Не глядя на нее, Мирон взял сумку с деньгами и оружием, вышел из квартиры и спустился во двор.

– Ты Мирон? – спросил его браток.

– Ну.

– Тебе привет от Лишай!

Мирон осмотрел машину со всех сторон. Хороша. С номерами, и после мойки. И внутри все ништяк. Сиденья мягкие, скрипучие. Запах нового пластика и резины – обалдеть какие ощущения. В «бардачке» документы на машину, на его имя выписаны. И права новенькие, с категорией «В». А еще деньги – сдача с десяти «штук». Постарался Лишай, угодил. Только неспроста он такой добренький. Наверняка скачал с Мультика не пятьдесят штук, а больше. Нутром это Мирон чувствовал. Жаль, за руку Юрку не поймал.

Он отпустил братка, запер машину, направился домой.

Сказал матери, чтобы не ждала – долго его не будет. И денег ей дал. «Штуки» баксов не пожалел.

Во дворе его уже ждала Ксюха. Глаза на лбу, рот до ушей, сама как струнка – как бы не лопнула от восторга.

– Клево! – взвизгнула она, открывая переднюю дверцу.

– Назад, – кивнул он на заднее сиденье. – Впереди Горюн поедет.

К Горюну он заехал вовремя. Ломки у пацана начались, а уколоться опять нечем.

– Брат, пятьдесят баксов надо! – взмолился он, расширенными глазами глядя на Мирона. – Умираю.

Деньги он ему дал. Уколотся бедняга. И в Москву перебраться согласился с ходу. Как же, с таким спонсором, как Мирон, хоть на край света. Только бабки Горюну не даром доставаться будут. Он их отработает.

* * *

Мирон проснулся раньше всех, в десятом часу утра. Голова гудела с похмелья. Но тумана в мозгах не было. Ксюха спала, разметавшись на постели. Он содрал с нее простыню, обнажил ее голое тело. Классная баба, что ни говори. И красивая, и трахается профессионально. Такие телки для дела нужны.

Только сначала нужно кое с чем другим разобраться.

Мирон прошел на кухню, сдернул с раскладушки Горюна.

– Иди глаза промой и сюда, – распорядился он.

Витек что-то недовольно буркнул себе под нос и поплелся

в ванную.

Уже неделю как они живут все втроем в однокомнатной квартире. Хату в двенадцатиэтажке сняли, в Кунцеве. Неплохо устроились: телефон, мебель в наличии имелась, телевизор, магнитофон. И бабок хватало. Холодильник всегда полный. И с водкой никаких проблем. Только хватит «разлагаться» – пора браться за дело.

Дней пять назад Ксюха в одно частное детективное агентство наведальась. «Полштуки» баксов отстегнула, чтобы собрали информацию на Чебурнова Игоря Ивановича. С кем и где живет, есть ли любовница, ее адрес. Детективы поняли все верно. Собрали самую достоверную о нем информацию. Короче говоря, досье для киллера готово.

– Чего тебе? – спросил Горюн, усаживаясь за стол.

Глаза бегают, жадность в них.

– На, нюхни. – Мирон расщедрился и протянул ему пакетик с кокаином.

Тот аж прослезился от радости.

– Что хочешь для тебя, брат, сделаю, только скажи! – засосав дозу, хлопнул себя в грудь Горюн.

– А вот и сделай. Короче, Мультика пора в расход.

– Чего? – сошел с лица Горюн.

– Мультика мочканешь. Да ты не бойся... Проблем не будет.

– А ствол?

Витек даже не знал, что у него в наличии целых два ство-

ла. Наркоман есть наркоман, ненадежный это народ – чем меньше знают, тем лучше.

Мирон ушел в комнату и возвратился оттуда со «смит-вессоном» в руках. Раздобыл и «семечек» к этой «игрушке». За бабки сейчас все, что угодно, можно найти. Четырнадцатизарядный магазин забит плотно. И глушитель есть.

– Держи. – Он протянул Горюну ствол.

– Да ты чо! – тот шарахнулся от оружия как от огня.

– А через плечо. Короче, вася, ты волну не гони. Я сказал – мочканешь Мультика, значит, мочканешь.

– Но я не могу!

– А морфий на халяву употреблять можешь? – заорал на него Мирон.

– Ну так это...

– Короче, бери «пушку» и вперед!

Горюн обреченно взял пистолет, о чем-то думая, повертел его в руках. Затем резко встал, встряхнул головой и сунул ствол за пояс. И решительным шагом направился к двери.

– Эй, погоди, придур, ты куда? – остановил его Мирон.

– Как куда? Мультика валить.

– А куда идти, хоть знаешь?

– К офису...

– Соображаешь. Только в офис ты к нему хрен подберешься. А вот домой в самый раз.

– Он что, без охраны ездит?

– Да нет, телохранитель его к хате провожает.

– Что, и этого грохнуть?

– Зачем нам лишний жмур?.. Есть у меня один план...

* * *

Мультик просматривал финансовую отчетность за прошлый месяц. От дела его отвлек голос секретарши.

– Игорь Иванович, к вам тут посетитель. Странный какой-то, – чуть слышно добавила она.

Он нажал на клавишу компьютера. Глазок скрытой камеры в приемной вывел на экран монитора изображение высокого изможденного мужчины. Да это же Горюн, друг детства, мать его так.

Один друг пятьдесят тысяч с него требовал, второй на семьдесят раскрутил. А еще десять «штук» на киллера. Жаль, не нашел киллер Мирона. Как в воду тот канул. Вроде как машину себе купил – на его, Игоря, деньги – и в Москву рванул. А попробуй там его найди. Да и незачем уже искать. Ну прикончат Мирона, а дальше?.. Деньги-то ведь уже не вернешь.

– Чего ему? – недовольно спросил он.

– Да вроде как вы его проспонсировать обещали.

– Что? – взвыл Мультик и нажал на кнопку вызова охраны.

А сам выскочил в приемную. И с ходу на Горюна.

– И тебе, что ли, бабки нужны? – в бешенстве выкрикнул он.

– Мультик, ты чего это кипятком ссышь? – вытаращился

на него Горюн. – Я у тебя денег хотел занять. Лекарства мне нужны.

Знает он, какие-такие лекарства. Морфий, героин. Наркота конченная!

– Хрен тебе, а не бабки!

– Но я же займы. Всего пять тысяч долларов!

Пять тысяч баксов? Всего?! Совсем спятил мужик. Да он и сотой части этой суммы не сможет вернуть.

Казалось, Горюн сейчас упадет перед ним на колени. Только ничего у него не выйдет.

У двери в приемную уже маячили два охранника.

– Уведите этого, – небрежно махнул им Мультик, указывая на Горюна.

– Ну, Игорь, ну пожалуйста, – захныкал тот, повисая на руках у охранников.

Но Чебурнов уже не обращал на него внимания.

* * *

Он уже принял ванну и плотно поужинал, когда в дверь дома позвонили.

– Кого там принесло? – спросила жена, очаровательная фотомодель Инночка.

Она стояла в спальне у зеркала во весь рост и совсем голая, роскошные волосы расчесывала. Ею Мультик как раз-то и намерен сейчас заняться. Только вот, похоже, ему собираются помешать.

Вздыхая, он вышел в холл и взглянул на экран монитора.

Блин, да это снова Горюн. Вот достал!

Он хотел послать его куда подальше. Но потом передумал. Не лучше ли бросить ему с барского стола пару «зеленых» сотен? И пусть убирается.

Игорь достал из кармана пиджака бумажник, вытащил две сотенные купюры. Немного подумал и одну вернул на место. Хватит с этого придурка и сотни. Он открыл дверь и протянул Горюну деньги.

– На, только не доставай меня больше! – выкрикнул он ему в лицо.

– Спасибо, благодетель! – обрадовался наркоман.

Мультик уже начал закрывать дверь, когда в руках у Горюна появился вдруг пистолет с глушителем. И тут же раздалась сухие щелчки выстрелов.

Четыре пули, выпущенные в упор, разворотили живот. Как уходил Горюн, Чебурнов Игорь Иванович уже не видел. Он вообще ничего не мог уже видеть.

* * *

План сработал. Мультик уже на том свете. Никто не смеет безнаказанно поднять руку на Мирона. На удар он всегда отвечает ударом. Не зря его прозвали Скорпионом – укус его смертелен.

Горюн сделал все как надо. Спрятал пистолет – и деру. Никто не видел, как он стрелял, – только сам Мирон. А как же, Скорпион просто обязан был проследить за ним. «Мокруха» – дело серьезное, на самотек пускать нельзя.

Киллеры-профи сбрасывают оружие на месте преступления. Но у них не тот случай. Стволы им с Горюном нужны. И начхать, что один из них засвечен! Хрена с два доберутся до них менты!

Всю ночь они праздновали успех. Горюн вкатал в себя дозу, закайфовал. Мирон и Ксюха тащились от водки. Выпьют, потрахаются и снова за стол. Красота! Заснули только под утро.

* * *

– А ты не скучаешь по работе? – спросил ее Мирон, когда они проснулись.

Он лежал на постели – на спине, руки за голову – и смотрел в потолок.

– По какой? – спросила Ксюха.

– А у тебя что, кроме как передком торговать, есть другая работа? – усмехнулся он.

Мирон хороший. Он позволяет ей заботиться о нем, кормит, спать рядом с собой позволяет. Жаль только, не ласковый. И грубым с ней часто бывает. Как вот сейчас. Но она не обижается. Она не умеет на него обижаться.

– Нет, другой работы у меня нет.

– Вот за нее тебе и пора браться. На панель пора выходить. Или ты думаешь, что я тебя всю жизнь буду кормить?.. Нет, детка, я дочь миллионера не трахаю.

Да, он прав. Она не должна сидеть на его шее. У него пока есть деньги, не важно, где он их взял. Но они когда-нибудь

кончатся. На что же тогда жить?

– Я буду зарабатывать деньги на нашу семью. У нас же семья, правда?

– Правда, – после некоторого раздумья сказал он.

Ксюша почувствовала себя сказочно счастливой. Они ведь живут с Мироном вместе, как одна семья. Он сам это подтвердил!.. А Витек у них как ребенок. Сынок, мать его так! Ксюша звонко рассмеялась.

– Эй, ты это чего, в натуре? – спросил ее МIRON.

– Да так, о своем, о женском.

– О женском это хорошо, – задумчиво проговорил МIRON. – Ты этга, за женскую часть и отвечать будешь.

– Это как?

– Телки мне нужны. Много телок. Бизнес свой откроем.

– Какой бизнес?

– Ну ты, короче, дура! Чо, так и не врубилась? – Он посмотрел на нее как на конченную идиотку.

– Ты хочешь на проститутках дело делать? – Она все-таки быстро соображает.

– Во, сечешь.

– Сутенером будешь?

– А вот за это можно и в дыню схлопотать. Но сегодня я добрый, живи.

– Я что-то не так сказала? – жалобно спросила она.

– Запомни, сутенером я быть не хочу, косяк это, в натуре... Но на первых порах «котом» побыть придется, куда де-

ваться.

– И я путанить буду, – ее взгляд был полон любви и обожания. – На первых порах, пока дело не развернем.

– А потом что, уже не захочется? – криво усмехнулся он.

– А мне и сейчас не хочется.

– Но деваться-то некуда?

– Некуда.

Да, деваться ей и в самом деле некуда. Она нужна Мирону, без нее ему будет трудно. И она сделает все, чтобы ему угодить.

Деваться некуда... Мирон не любит ее, он просто грубо использует ее, вытирает об нее ноги. Она все глубже утопает в грязи этой жизни. А ведь можно вырваться из трясины, достаточно уйти от Мирона раз и навсегда, забыть о нем и начать новую жизнь. Но об этом она не хотела даже думать.

* * *

Наташа Савинова родилась и выросла в Таджикистане, в городе Душанбе. Красивый город, спокойный. И после развала Союза он оставался красивым. Но, увы, уже не спокойным. Ей минуло семнадцать, когда родители засобирались в Россию. Там никто их не ждал. Но отцу было все равно. В каком-нибудь колхозе в средней полосе место для него всегда найдется. Только с пустым карманом в дальний путь ехать не хотелось. Квартиру надо было продать. Она в центре города, трехкомнатная. Но предлагали за нее до смешного мало. Мол, вы, русские, и просто так отдадите. Но родители упря-

мились, держали цену. И в конце концов продали квартиру, приличные деньги за нее получили. А потом куда-то пропали вместе со всеми деньгами. Как в воду канули. Их трупы нашли только через три месяца. Наташа испытала большое потрясение. После похорон родителей она ни секунды больше не желала оставаться в этом проклятом городе. И отправилась в Россию.

С деньгами у нее были большие проблемы. Поэтому дорога затянулась. В поезде, на последнем отрезке пути до Москвы, она познакомилась с Галей, симпатичной хохлушкой с Украины. У этой дома все в порядке. И родители живы, и квартира в Днепропетровске. Но ее тянуло в Россию, в Москву. За счастьем ехала. Хотя сама не знала, чего именно она хочет: или знаменитостью стать, или замуж за «нового русского» выйти. Ни о каком институте она не помышляла.

«Кривая всегда выведет, – объясняла она Наташе. – Вот увидишь, не пропаду».

И Наташе мечталось, чтобы у нее все сложилось удачно. Но в хорошее как-то не верилось. Она уже успела разочароваться в этой жизни и не ждала от нее ничего хорошего. Ее считали красивой. Симпатичное личико, белокурые волосы, длинные стройные ноги. И она уже не раз делала ставку на свою внешность. В Душанбе ей пришлось отдаться сразу двум нерусям – за это ей дали десять долларов. Противно было, мерзко. Но так просто деньги не достаются. И дальше в пути она отдавалась на вокзалах – за кусок хлеба и билет

до следующей крупной станции.

В Москву она приехала без копейки.

На вокзале к ней подошла красивая девчонка с темно-каштановыми волосами. Короткое облегающее платье на ней, дорогими духами благоухает, косметика заграничная, сумочка от Гуччи. Крутизна, одним словом. И улыбка такая обольстительная. Наташе стало неловко из-за своей грязной блузки, юбки какой-то немодной, тоже не первой свежести. Волосы спутаны, под глазами синяки.

– Девушка, вы издалека? – мило спросила красотка.

– Из Душанбе.

– Русская, из Душанбе, это хорошо... Беженка?

– Вроде того.

– Еще лучше... А родители?

– Ну что ты к ней пристала? – встряла в разговор Галя. –

Чего душу ей тянешь?

Но незнакомка лишь одарила ее доброжелательной улыбкой.

– Ой, извините, я вас чем-то обидела?

– Да ладно, чего уж там, – смягчилась Галя. – Нет у Наташи родителей, одна она на этом свете.

– Какое несчастье! – засокрушалась красотка. – И в Москве никто не ждет?

– Никто.

– Тогда, Наташа, я могу вам помочь. И работа будет, и деньги. Только, как бы вам это сказать, – вроде как смутилась

незнакомка, – все упирается в ваши моральные принципы.

– То есть?

– В общем, я предлагаю вам место на панели.

Коротко и ясно. А куда ей еще деваться?

– А крыша над головой будет? – деловито спросила Галя.

Она, похоже, даже обиделась, что предложение сделано только Наташе.

– Ну а как же. Я с другом живу, квартира однокомнатная, но вашей подруге место найдется.

Хоромы не предлагает. Честно обрисовывает ситуацию. Значит, вероятность обмана уменьшается.

– А для меня? – спросила Галя.

Она не выглядела такой ущербной, как Наташа. И одета неплохо, и выглядит свежо. Может быть, поэтому незнакомка и не восприняла ее как возможную кандидатку на панель. А она, похоже, сама предлагает свои услуги. Наташа обрадовалась: не хотелось ей терять такую подругу, как Галя. Всего полдня они знакомы, а уже успели так привязаться друг к другу.

– И для тебя найдется, милая, – благосклонно кивнула красотка.

И она сделала им знак следовать за собой. На выходе из вокзала на площади стояла новенькая «девятка». В ней сидел молодой парень с цепким колючим взглядом. Он ничего не сказал, только посмотрел на них и показал на заднее сиденье.

Когда они все вчетвером оказались в однокомнатной

квартире, он велел ей и Гале раздеваться.

– Хорошее вино без дегустации не определить, – с усмешкой бросил он, расстегивая пояс на джинсах.

Галя разделась первой и с шальной улыбкой прыгнула на кровать. И Наташа рассталась с одеждой. Парень удовлетворенно кивнул, оглядев ее безупречное тело. И тут же сунул ей руку между ног. Она ответила ему блуждающей улыбкой.

Парень не красавчик, но есть в нем нечто. Ей будет приятно ему отдаться.

* * *

Ксюша стояла в дверях комнаты и с тоской наблюдала за тем, как Мирон «дегустирует» девчонок с вокзала. Он проверял их на профпригодность. Для него это как работа. Но по логике вещей он все же изменяет ей.

Наташка девка красивая, но какая-то зачуханная. Но внешний вид можно привести в порядок за один день. А вот как вести себя в постели, с этим сложнее. На это целая неделя уйдет. Стать проституткой она согласилась легко. Совсем, видно, задавила ее жизнь. А панель – это кусок хлеба с маслом. Только нужно еще кое-что уметь. За щеку она брала неумело, тазом подмахивала вяло. Но научится со временем. А время у них есть. Мирон и Горюн еще только начали всерьез браться за работу.

А вот Галку, ту и учить не надо. Все умеет. Да так ловко. Как волчок в постели крутится, энергии в ней хоть отбавляй. А ведь недотрогой казалась. Ксюша даже и не собира-

лась предлагать ей работу на панели. Но та напросилась сама. Видно, ей к этому не привыкать.

И Наташка, и Галка находка для их с Мироном предприятия. Смазливые милашки, и обе с ногами от ушей – в конъюнктуру рынка вписываются аж бегом. Спрос на таких красоток всегда высокий. И деньги неплохие будут. Только и самой Ксюше свой передок в эксплуатацию сдавать придется. Но это временно. Нужно стараться – расширять штат путан. Когда дело наберет обороты, она сойдет с панели.

Мирон согнал с постели сначала Галку, затем Наташку. Они обе убежали в ванную.

– Товар немного сыроват, – развалившись на постели, бросил он Ксюше. – Вечером на мне покажешь Наташке, как на клык брать. Пусть учится, в натуре.

Она даже обрадовалась. Ведь на Мироне показывать придется, а не на ком-то другом.

– А Галку и в дело уже можно пускать. Кстати, я с ней сегодня спать буду.

– Что? – побледнела Ксюша.

Неужели Мирон способен на такое? Выгнать ее из своей постели, чтобы пустить туда другую.

– Да ладно... – загоготал он. – С тобой спать буду, с тобой. Пошутил я.

– А тебе другой и не надо. – Ксюша подскочила к нему, опустилась перед ним на колени и положила ему голову на грудь.

Она ждала, когда он запустит руку ей в волосы, потерябит их. Но не дождалась.

* * *

Он сидел за рулем. Ксюха, Наташка и Галка сзади. Горюн стоял на улице, курил и ждал, когда к нему подойдут заинтересованные люди.

Мирон никого не боялся: ни черта, ни дьявола. И сразу взял эту нечисть за рога. Прямиком на Тверскую товар выставил. В самое то место, где проституток больше, чем обывателей. Крутое место. Гостиница на гостинице, кабак на кабаке. Театров до фига, музеи там всякие. Но посетители музеев Мирона не интересовали. Ему нужны те, кто предпочитает иной способ развлечения – пьянка и девочки. А таких хоть отбавляй – товар должен уходить влет. И за конкретные бабки. Сотня баксов в час, и ни цента меньше. Только и «покровителей» здесь всякого рода как дерьма. Крутые бандиты здесь своих путан на выпасе держат, сутенеры вместо пастухов. Оно и понятно – бабки здесь крутятся солидные. И конкуренция жестокая. Еще неизвестно, кто первым подойдет: клиенты или братки с претензиями. Только Мирону чихать на братков. Он знает, как с ними разговаривать. И готов к этому.

Через десять минут после того, как Горюн встал на тротуаре неподалеку от «Интуриста», к машине подошли два братка в кожаных майках и с массивными золотыми цепями на шеях. Витек их подвел. Мирон напрягся. Похоже, это раз-

борка.

Но нет, разборкой здесь и не пахло.

Горюн сделал знак, и девки выскочили из машины.

– А не хилые у тебя телки, мужик, в натуре, – услышал Мирон довольный голос братка.

– Стольник за час, – ломанул цену Горюн.

Мирон с одобрением посмотрел на него. В полном порядке пацан. Прикинут неплохо, свежий, выбритый. И держится с достоинством.

– А нам больше и не надо, – кивнул браток и достал из кармана две сотенные бумажки.

С собой он забрал Ксюшу и Наташку.

Уходя, Ксюша с тоской посмотрела на Мирона. Не хочется ей под козлов этих ложиться. Как будто защиты у него просит. Ничего, пусть работает – от нее не убудет.

Еще через полчаса забрали и Галку. Эту на ночь увели – за три сотни клиент с Горюном сторговался.

Ну что, лед тронулся, дело завертелось. Еще даже не стемнело, а уже пять сотен в кармане. А там Ксюха с Наташкой скоро вернутся, опять в оборот их можно запускать.

Мирон вышел из машины, прислонился к капоту, достал сигарету, закурил. Горюн пристроился рядом. Тоже задымил.

– О, это, кажись, к нам, – сказал он, глядя куда-то в сторону.

Мирон проследил за его взглядом. Увидел трех мордово-

ротом, лениво вышагивающих в их сторону. Рожи кислые, жвачки у всех троих в челюстях перемалываются. Уверенно себя чувствуют, на Мирона с Горюном с презрением поглядывают.

– Кто такие? – останавливаясь в двух шагах от Мирона, спросил старший.

– А ты кто такой? – Он едва удостоил его взглядом.

– Я первый спросил, поня-ал?

– Да пошел ты в задницу.

– Че-е? – На какое-то мгновение мордоворот даже опешил.

Не ожидал такого отпора. Но быстро сумел взять себя в руки.

– Слушай, ты, козел, еще раз появишься здесь, я твои яйца под маринадом закатаю.

– Фуфло ты! – хищно усмехнулся Мирон. – Понты перед своей мамой колотить будешь, а мне нужен конкретный базар.

– А я тебе конкретно и говорю.

– Ты не говоришь – ты туфту гонишь. Короче, давай стрелу зарубим, там и перетрем, непонятки разберем.

Мирон говорил резко, жестко. В глазах холодная ярость. Зверь, а не человек. В таком состоянии его на зоне боялись. И мордоворот струхнул. Видно, привык только на зашуганных сутенеров наезжать. А тут ему камень попался. Как бы зубы не обломать.

– Кто тебя «кроет»? – уже куда более миролюбиво спросил он.

– Ты чо, дебил по жизни? – как от лимона скривился Мирон. – Я же сказал, на стрелке перетрем. Поехали прямо щас, есть тут одно место неподалеку.

Москву Мирон знал хреново, и то если мягко сказать. Но перед тем как занять место на Тверской, он целых полдня рыскал по центру столицы в поисках более-менее спокойного местечка, где можно непонятки разрешить. И нашел. Несколько жилых домов, в стороне от них какой-то склад. От домов его ряд деревьев отделяет. Между складом и деревьями место свободное. Машина развернуться запросто может. Туда всякий хлам сбрасывают. Но это не помеха.

– Прямо щас? – замялся мордоворот.

– А чо, нас двое, вас трое. Чо тебя не устраивает?

– Да все устраивает. Короче, поехали...

Тяжело далось братку это решение. Уж больно ему не хотелось куда-то ехать. Куда уж лучше, когда все проблемы прямо на месте решаются. Рывкнул на левых сутиков, на понт взял и на хрен спровадил. А тут какие-то кусачие «коты» попались.

Мирон поехал первым. Серебристая «Ауди» рванула за ним. Минут через двадцать были на месте. На пустыре возле склада никого не видно. И с окон домов место разборки не просматривается.

Мирон выскочил из машины, едва она остановилась. За

ним к машине братков подошел и Горюн. У обоих в руках стволы. Старший из трех мордovorотов тоже начал выходить из своей тачки. Из-за пояса брюк торчала рукоять пистолета. Но Мирон не дал ему воспользоваться оружием.

– Ну чо, мурло, за козла отвечать будешь? – прислонил он к виску сутенера ствол «макара».

Свободной же рукой Скорпион разоружил его.

– Э-э, ты чо, в натуре? – возмутился тот.

– На зоне за козла или на нож, или на хрен сажают. Понял, падла?

– Ты уж извини, братан, с языка сорвалось.

– Косяк ты конкретный упорол. Мочить тебя надо. – Мирон наслаждался страхом соперника.

Краем глаза он видел испуг на лицах и двух других братков. Их держал на прицеле Горюн.

– Не надо, я больше не буду.

Как ребенок испугался. Сейчас еще и слезы из глаз побегут. Или обоссятся со страху.

– Развелось тут вас, ублюдков. Параши не нюхали, шконку не щемили, а все крутых из себя корчите. Короче, еще один косяк, и писец тебе, козел, сечешь?

– Да не, все нормально. С моей стороны претензий нет.

– Сразу бы так, – смилостивился Мирон. – «Поляну» в кабаке накрываешь?

– Да без базара.

– Ну тогда живи.

Он убрал ствол и втокнул братка обратно в машину.

Крепко зашугали они мордovorотов. На кабак их раскрутили. Но это вовсе не значило, что теперь можно расслабляться.

Те ходили под неким Савелием, вроде как мощная команда у них. Половина путан на Тверской, если им верить, на них работает. А они трое вроде контролеров. Ходят по улице, высматривают левых «котов». Что, если каждый захочет на эти тучные пастбища своих коров выводить?.. Вот и отгоняют лишних.

– Ты, брат, если хочешь нормально жить, отстегивать нам должен, – заявил старший из братков – на Селезня откликался. – Ты, конечно, пацан крутой, базара нет, но Савелий еще круче.

Да чихал Мирон на какого-то там Савелия. Но Селезень прав, без «крыши» нормальной жизни ему не будет. Но и платить он не хотел.

– Обломается твой Савелий, – глядя куда-то вдаль, ответил он.

– Да ты не спеши, – начал урезонивать его Селезень. – Я с тебя по-братски брать буду. Десять процентов – это по-божески.

Да, десять процентов не так уж много. Можно и согласиться.

– Заметано, – протянул ему руку Мирон.

– Если чо, на нас, короче, ссылайся, – скрепляя договор

рукопожатием, заключил Селезень.

На следующий день на Скорпиона снова наезд. Из другой команды пацаны возникли. И снова: «Кто такой?» Но в этот раз Мирон Савелием прикрылся, пацаны и отвалили. С тех пор вроде ничего житуха пошла.

За каких-то две недели Ксюха, Наташка и Галка сорвали куш в пятнадцать «штук» «зеленью». Пять «штук» им ушли. Полторы «штуки» Селезню. Три «тонны» баксов в карман Горюну. Пол-«штуки» ментам отвалили – чтобы волну не гнали. Остальное все Мирону досталось. Не слабые бабки, можно сказать, задарма достаются.

Через два месяца на него уже пахали десять проституток. На микроавтобусе уже их вывозили. Дело крутилось на полных оборотах. Только в день чистоганом Мирон получал на карман до «штуки» баксов. Но он не собирался останавливаться на достигнутом.

* * *

Ксюша проснулась рано утром, подошла к окну. О стекло тихонько бился сухой желтый лист, и скоро по подоконнику ударили первые капли дождя. Октябрь на дворе. Зима уже потихоньку подкрадывается.

Три месяца живет она с Мироном. Две квартиры с ним сменила. Сейчас они в трехкомнатной квартире на Фрунзенской набережной расположились. У Горюна своя комната, у Наташки с Галкой тоже, и они с Мироном отдельно. Только плохо все складывается.

У Мирона дело вертится в две смены. Пятеро девок днем клиентов обслуживают, все остальные – ночью. Наташка и Галка в числе первых, Ксюша – последних. Ночью она пашет, а Мирон отдыхает. То Галку трахнет, то Наташку. Ни та ни другая отказать ему не могут. Суки! И самое ужасное, он этого не скрывает.

Но сегодня они спали вместе. Выходной у нее вчера был.
– Мирон, – повернулась она к нему.

Полы халата разошлись, обнажилась ее высокая упругая грудь. Но Мирон даже не взглянул на нее. Он лежал в постели в своей излюбленной позе: пузо кверху, руки за голову, глаза в потолок. В руке сигарета дымится.

– Чего? – лениво спросил он.

– Так больше нельзя.

– Чего больше нельзя? Галку и Натаху трахать?.. А чо, тебе с другими можно, а мне нельзя?

– Я не о Галке с Наташкой. Я о себе.

– Ну...

– Мирон, я не хочу больше собой торговать! – это был крик души.

Дело у них шло на лад. Уже пятнадцать путан на них работают. И сутенеров добавилось. Два крепких пацана с куриными мозгами и гонором выше крыши. А главное, никаких проблем ни с криминальным миром, ни с ментами. Деньги текли в карман Мирону рекой. А ему все мало. Ее заставляет на панель выходить. Каждая «сотрудница» у него, видите

ли, на вес золота.

– Опять ты за свое? – поморщился он. – Тебе что, плохо? И в кабак тебя нет-нет сводят, и трахнут в удовольствие, а еще к тому же и заплатят. Слушай, я тебе половину от твоих бабок отстегивать буду, по-свойски, в натуре.

Все у него к деньгам сводится. Но так же нельзя?

– Да? В кабак сводят? – заплакала она. – Трахнут в удовольствие?.. А что с Ирккой было, помнишь?

Ирку она нашла в каком-то затрапезном кафе. Почти за-дарма у посетителей в туалете отсасывала. А девка ведь ничего из себя была. Приобщила она ее к более стоящему делу. Месяц на Мирона поработала. А потом на «субботник», к «отморозкам» каким-то угодила. Человек десять через себя пропустила. А потом ей бутылку из-под шампанского в одно место впихнули. Затем в другое, заднее. Короче, порвали девчонку. А вдобавок ко всему звезду на груди выжгли. Зверье самое натуральное. Хорошо, до смерти не замучили.

– Ну не с каждой же так. Ты вон год «передок» свой в прокат сдаешь, и ничего. Даже трипака не подхватила.

– Мирон, ну миленький, ну разреши мне больше не выходить на панель. – Она встала перед ним на колени.

– Ладно, уговорила, – нехотя согласился он. – Только учти, этот месяц отработаешь до конца.

В сентябре он говорил точно так же. До каких же пор он будет издеваться над ней?

* * *

Мирон был доволен своей жизнью. Полтора десятка шлюх, три сутенера их пасут, а он над всем этим. Квартиру приличную снимает, девок трахает каждый день. И на ночь подруга всегда есть. Только вот Ксюха все чаще возбужает. Все чем-то недовольна. Да пошла она на хрен!

Вот она и идет. Из микроавтобуса вышла, к клиенту плавной походкой направилась. Попка у нее высший класс, глаза на ней оставить можно. Клиент, который за ней приехал, аж слюнки пустил.

Мирон за всем этим со стороны наблюдал. Теперь он на Тверской все реже появляется. Приедет, проверит, как Горюн и Лежак «вахту» несут, и домой. И сейчас слинять собирается. Сегодня у него на ночь новая подружка. Из новеньких. До утра ее «дегустировать» будет.

Он уже отчаливал, когда к нему подошел Селезень, а с ним еще три братка.

– Чего тебе?

– Разговор есть, – угрюмо обронил тот.

Сегодня он какой-то не такой. Хмурый, чем-то недовольный, а в глазах испуг прячется.

– Давай сюда, побазарим. – Мирон указал на место рядом с собой.

Селезень пожал широкими плечами, обошел машину, открыл дверцу и плюхнулся на сиденье.

– Ну что там у тебя?

– Не у меня, а у тебя, – нервно закурил он.

– Какие проблемы? – напрягся Мирон.

– Проблема одна – это ты!

– Не понял.

– А чего тут понимать?.. Мы с тобой на десять процентов договаривались. Это как бы по-дружески.

– Ну и?..

– А ты дело расширил, сосок еще, в натуре, понабрал, и еще хрен его знает сколько понаберешь. А все чисто десять процентов отстегиваешь. А ведь твои мочалки клиентов у наших кобыл отбивают.

– Чего ты хочешь?

– Не я хочу, а Савелий. Он на меня сегодня бочку из-за тебя катил. Типа, какого хрена гада этого у себя на груди пригрел!

– Это кто гад? Я?! – взвился Мирон.

– Да ты кипятком не ссы, это делу не поможет, чисто в натуре тебе говорю.

– Я с твоим Савелием перетереть хочу, – так, будто это для него плевое дело, сказал он.

– Он тебя и видеть не хочет. Короче, будешь отстегивать ему пятьдесят процентов, и ни цента меньше. Это единственное условие.

– А если нет?

– Тогда отваливай на хрен.

– Да я тебя, урода, сейчас урою! – взревел Мирон и резко развернулся к Селезню.

И тут же что-то холодное вдавилось ему в левый висок.

– Только дернись, борзой, без мозгов останешься, – слышалось шипение сбоку.

Все ясно, мудила какой-то подсуетился, ствол ему в голову ткнул. Как это ни странно, Мирон даже не испугался.

– Ты лучше свои мозги побереги! – жестко усмехнулся он.

– А ты за меня не бойся, ты о себе думай. Ну все, базар закончен.

– Это тебе так кажется! – выкрикнул Селезню вслед Мирон.

Но тот даже не обернулся.

Ну вот, теперь он должен отстегивать какому-то козлу чуть ли не половину дохода. Сколько ж это бабок – с ума сойти!

Валить надо этого Савелия и Селезню заодно с ним. Пидоры мокрозадые! Только один язык понимают – ствол!

Мирон понимал, что силы у него малые. Он да Горюн. Еще двух сутиков своих к делу приклеит. Только от этих вряд ли будет много толку. Не обкатанные еще. Но ничего, обкатаются.

У Савелия «пехоты» немерено, крутые завязки в криминальном мире. Но когда девять граммов свинца застрянут у него в черепе, никакие «быки» и никакие «паханы» ему не помогут. И Селезню писец придет.

Деньги у Мирона есть. Пятьдесят «штук» долларов в тайнике своего часа дожидаются. Стволы по дешевке у Лишяя

достать можно – у него канал отлажен. Может понадобится «пехота», – и это через Лишай решить можно. С десяток пацанов у него возьмет – за бабки, конечно. Дружба в таких делах пустой звук. Только согласится ли Лишай своих «бывков» под Савелия бросить? Может и на хрен послать. Но ничего, там видно будет.

Короче говоря, хрена с два дождется у него Савелий бабок!

* * *

Ну и клиент у нее сегодня. На «мерсе» «шестисотом» подкатил, сам весь из себя – не подступишься. Сидит с ней на заднем сиденье, все молчит да в окно куда-то смотрит. На нее иногда глянет, слюну пустит, облизнется и снова в окно уставится. Как будто жалеет о чем-то.

– Слушай, а чего ты какой-то не такой? – не выдержала Ксюша.

– Какой не такой? – не сразу понял он.

– Странный ты какой-то. Строишь на меня, как будто я не твоя и не тебе меня трахать.

– Ну зачем же вы так? – он обращался к ней на «вы».

Интеллигент чертов!

– Слушай, а может, ты не для себя меня везешь?

Тьфу ты! Как она сразу не догадалась. Этот тип на какого-нибудь крутого клиента шестерит, которому путану вместо десертного блюда подают. Вот и везет он «сладость» к ужину.

– Не для себя, – кивнул он.

«А зря, я бы лучше тебе отдалась». Этот тип вроде ничего мужчина, симпатичный, приятный. Неизвестно только, кому он ее доставляет. Может, какому-нибудь уродцу? А может, и на толпу ее везут. Человек десять как поставят на «хор». Ксюша аж вздрогнула.

– А для кого, если не секрет? – Она уже не выглядела той разбитной девкой, какой казалась только что.

– Не бойся, тебя никто не обидит, – улыбнулся ей незнакомец.

Как будто мысли ее прочел.

Машина выехала на Кольцевую и на всех парах помчалась дальше. Через полчаса показалось Митино. Еще спустя какое-то время «Мерседес» остановился возле красивого двадцатиэтажного дома – не иначе какая-то иностранная фирма строила. Мужчина вышел из машины первым. И, видно, хотел помочь выйти и ей. Только не успел – Ксюша обошлась и без него.

Скоро она оказалась в просторной трехкомнатной квартире. Отделка по европейскому стандарту, шикарная мебель, полный комплект бытовой техники. Воздух свежий, ароматный. Как будто в рай попала. А где же клиент?

– Здесь никого нет, – сказал мужчина. – И я сейчас уйду.

– А я? – вытаращилась она на него.

– А вы останетесь здесь.

– Зачем?

– Это ваш дом.

– Мой дом?

У кого-то из них двоих крыша поехала – это точно.

– Вы – Ксения Петровна Архипова, не так ли?

– Ну и что?

– Документы на эту квартиру оформлены на ваше имя.

Вот, пожалуйста, ознакомьтесь и оставьте себе.

Мужчина достал из кейса какие-то бумаги и протянул ей. Перед глазами все поплыло, дышать стало тяжело. Она с трудом пробежала несколько строчек, нашла свое имя, фамилию.

– Это как же все понимать?

Действительность сейчас воспринималась ею как сон. Точно, крыша едет.

– Есть один человек, – сухо пояснил мужчина. – Он хочет, чтобы вы жили хорошо и ни в чем не нуждались.

– Я что-то должна для этого сделать?

– Да, разумеется.

Сейчас он предложит ей что-то страшное.

– Что?

– Бросить свое занятие.

– Какое занятие?

– Вы – проститутка, это так?

– Ну да.

– Отныне вы ею не будете. Таково условие.

– И все?

– Ну, еще вы можете поступить учиться в университет, например. У вас будет хорошая профессия.

– Какой университет? Какая профессия?.. Я ничего не понимаю! – Она была на грани истерики. – Я хочу домой, к Мирону.

– Эх, милая вы моя, – сочувственно посмотрел на нее мужчина. – Ну какой у вас дом? Так, бардак сплошной. Пьянки, оргии. И Мирон ваш настоящее животное. Моя жена уже давно бы меня из дому выгнала, если бы я с ней так обращался.

Он знает о ней все. Он что, следил за ней все это время?

– Но я его люблю!

– Любовь зла. В общем, так, вы можете отправляться к своему Мирону.

Только почему-то сейчас ей не очень хотелось ехать к нему.

– Или лучше я к нему съезжу.

– Зачем?

– Скажу, что нанял вас, скажем так, на две недели. И отдам ему деньги за вас. Думаю, две тысячи долларов его вполне устроят. А вы тем временем будете жить здесь. Если ваша новая жизнь вам не понравится, через две недели вы спокойно вернетесь к нему. Только с квартирой, разумеется, придется расстаться. И с деньгами.

– С какими деньгами?

– В банке на ваше имя открыт счет. Сто тысяч долларов.

Уж не сон ли это?

– Скажите, кому я обязана всем этим – деньгами, квартирой?..

– И свободой, – добавил с улыбкой мужчина. – А обязаны вы всем этим одному человеку. Больше я ничего вам сказать пока не могу.

– Фантастика какая-то!

– Пусть будет так. Ну что, пойдём посмотрим, что и где здесь находится.

Вместе с таинственным незнакомцем Ксюша приступила к более детальному знакомству с квартирой. Ощущение скачкового сна не покидало ее.

* * *

Сегодня и завтра у девок выходной. Пусть передых своим «передкам» дадут – а то ведь и стереться могут. А вот у Мирона с Горюном работа.

Витек не облажался, когда он ему на Савелия предложил навалиться. В восторг, конечно, не пришел, но и пургу гнать не стал. С утра они вместе сгоняли в Добрин, к Лишаю. Отстегнули ему бабок, «поляну» в кабаке местном накрыли, пока газ-квас, и товар пришел – два пистолета «ТТ», новенькие, еще в оружейной смазке. Насчет пацанов на подмогу Мирон тереть с Юркой не стал. Начнутся вопросы: куда, зачем, почему? А сейчас открываться ему пока никак нельзя. Мало ли что, вдруг сболтнет кому не надо?

Сразу после обеда прикатили в Москву, Лежаку и Медку

ключ бросили. В квартире на кухне все вчетвером собрались. Пузырь водки на столе, закусь – всё чин чинарем, короче. Кроме них, в квартире никого.

Ксюха как уехала вчера с клиентом, так и осталась с ним. Какой-то хрыч две «штуки» баксов за нее предложил – пару недель, дескать, с ним поживет. Да только хрен ему. Лежак не оплошал, до четырех «тонн» цену набил. И раскошелился дядя. Наташка и Галка по городу где-то шляются.

– Ну чо, пацаны, за девок своих воевать будем? – будто невзначай спросил Мирон, разливая водку.

– А чего за них воевать? – загребая пятерней свой стакан, поинтересовался Лежак.

На него возлагались немалые надежды. Не хилый пацан. И на удар крепкий, и норовом не размазня. За двадцатник ему, в армейке служил, штаб какой-то крупный охранял – учили его из «волыны» шмалять. А это сейчас очень важно.

– Процент на нас за «крышу» жирный накинули. А я с этим не согласен. И вы, конечно, тоже, – спокойно объяснил Мирон. – Короче, братва, сегодня хипиш поднимем – козла одного вальнем.

– Как это вальнем? – побледнел Медок.

Этот Мирону не больно-то нравился. И телом похлипче, и киснуть, если вдруг какая неувязка, начинается. Вот и сейчас, похоже, струхнул.

– Мочить будем, – пояснил Горюн. – Пулю в череп, и все дела.

– А стволы есть? – дрогнувшим голосом спросил Медок.

– А то.

– Я же не умею стрелять.

– Ничего, ничего, сегодня постреляешь, – хмыкнул Витек.

– А-а, где наша не пропадала! – отчаянным взмахом руки

Медок как бы разогнал все свои сомнения.

Так, один созрел.

– Не-е, в натуре, пацаны, так дело не покатит, – начал вдруг возбужать Лежак. – Телок пасти – так это без проблем.

А мочилово – тут я пас.

Поскакала дырка по кочкам. Лежак вроде как без базара на дело должен был подписаться. А Медок в отказ уйти. А все как раз наоборот. Неувязочка.

– Ты, задница полированная! – заорал на Лежака Мирон. – Ты щас мозгами своими пас сделаешь!.. Ты чо, хочешь кучи делать, а дерьмо за тобой другие пусть убирают?.. Хрен тебе по всей морде!

– Ну я не могу! – сжался в комок Лежак. – Мирон, ну давай я кому-нибудь морду набью, ливерный замес сделаю. Но убивать – нет!

– А куда ты денешься, шваль голимая? – Мирон вскочил с табуретки, вырвал из-за пояса «пушку» – щелкнул предохранитель, клацнул затвор. – Молись, падла! – И упер ствол ему в лоб.

– Не надо! – заскулил тот. – Я все сделаю!

– Да? Все сделаешь? – Мирон убрал «игрушку» и быстрым

шагом вышел из кухни.

И минуты не прошло, как он вернулся. И в другой руке у него был пистолет.

– На! Держи! – протянул он его Лежаку.

Тот послушно взял оружие. Руки его тряслись.

– А теперь шмаляй!.. Вот в этого! – Мирон ткнул пальцем в Медка.

Бедняга аж позеленел от страха.

– В него? – механически переспросил Лежак.

– Давай не ссы. Этот козел нас на десять «зеленых» кусков бросил. А ты чо, не знал?

Медок силился что-нибудь сказать, но от страха язык совсем не повиновался ему.

– Но я не могу, – тупо покачал головой Лежак.

– А ты через «не могу», вибратор ты с ушами! – Мирон зашелся в демоническом хохоте.

И вдруг резко замолчал. Глаза его налились кровью. Ствол «макарова» больно впился Лежаку под ребро.

– Пять секунд тебе, пидор! Нет – сам получишь пулю. Время пошло. Пять, четыре, три...

Лежака заколотило. Глядя на Медка безумными глазами, он приставил ствол «ТТ» ему ко лбу и нажал на спуск. Послышался сухой щелчок сработавшего механизма, и все. Выстрела не было. Пистолет не был заряжен.

– Ну чо, экзамен сдан! – загоготал Горюн.

– Ты уж извини, браток, – вырывая из рук Лежака писто-

лет, сказал Мирон Медку. – Надо было пацану мозги вправить.

– Я... Я все понимаю, – отстучал зубами тот.

– Ты этта, лекарство-то прими, – Горюн взял бутылку и до краев наполнил стакан.

Медок осушил его до дна залпом. Закурил, быстро затянулся. Его трясло, как на сорокаградусном морозе.

– Короче, пацаны, вгоняю вас в курс дела!

Мирон без всякого сожаления широким движением руки смел со стола на пол все его содержимое. И со стуком выложил на него оружие.

* * *

После каждого обхода территории Селезень с Карасем, Витамином и Агапом оттягивались в крохотном, но чертовски уютном кафе на Тверской. Сидели, «порожняки гоняли», пивко из бутылок тянули. А когда улица пустела, то и покрепче чего-нибудь употребить не возбранялось.

Сейчас как раз был тот самый час, когда спрос на путан резко упал. Ночь. Улица опустела. А владелец кафе лавочку свою сворачивать и не думает. Селезень ему не разрешает. У него сегодня плохое настроение.

– Чего-то сегодня Мирон своих телок не выставлял, – заметил Карась.

– Куда-то на сторону их отвел, в натуре. Жаба его душит половину отстегивать, – рассудил Витамин.

– Не нравится мне Мирон, – глядя куда-то вдаль, пьяно

пробормотал Селезень.

Крутой пацан этот Мирон – сразу себя таким показал. Зону семь лет топтал, на «перо» не раз накручивался. Все на рожон лезет. Но и за себя умеет постоять. Упертый он какой-то, и в то же время без тормозов. Как понесет, так хрен остановишь. Бес в нем сидит, за ниточки дергает. От такого всего ожидать можно.

Селезень закрыл глаза, и мысленный экран высветил ему лицо Мирона. Свирепый демон с адским огнем во взгляде. Он открыл глаза и уже наяву почувствовал на себе этот взгляд. На него смотрел Мирон. Он только что вошел в кафе, остановился в двух шагах от входа. В кожаном плаще, в кепке. На лице черный чулок – маска. Только Селезень его все равно узнал. Рука вошедшего за полый плаща. Рядом с ним два мужика, их лица также скрыты.

Мирон спокоен как удав, ни один мускул на его лице не дрогнет. Зато заметно нервничают его спутники. И руки так подозрительно в карманах держат.

– Атас! – крикнул Селезень и потянулся за своей «пушкой».

Он успел заметить, как с холодным безумием во взгляде усмехнулся Мирон, и тут же в его руках появился ствол. Он резко шагнул вперед и в упор расстрелял Карася. Селезень уже прицеливался, когда три вражеские пули одна за одной клюнули его в грудь.

* * *

Горюн не облажался. Завалил одного «быка» по всем правилам. А вот второй напарник Мирона в штаны наложил. Стрелял, да со страху все мимо. Его жертва успела достать ствол и пару раз пальнуть. Одна пуля зацепила Лежака, только тогда тот растормозился. Последний патрон в обойме сделал свое дело.

Мирон целиком был во власти боевого азарта. Ни мандража, ни жалости. Он преспокойно уложил одного «быка», а вслед за ним и самого Селезня. Стрелок из него, конечно, аховый. Опыта никакого. Но рука твердая. А большего, оказывается, и не надо. Разве что патронов побольше. Все до одного они в цель ушли. Пока Лежак со своей жертвой перестреливался, Мирон без суеты сменил обойму, выстрелил в голову Селезню и второму «быку». А потом помог Лежаку – добил его цель контрольным в висок. Оказывается, ничего сложного в этом нет.

Он уже собирался уходить, когда в зале появился хозяин кафешки. Глаза из орбит вылезли, волосы дыбом. Ну куда же ты, дебил, прешь?.. Мирон спокойно развернулся к нему, улыбнулся и разрядил в него обойму до последнего патрона. Прямо в лоб пулю засадил. Да он, оказывается, очень неплохо стреляет. Настроение приподнялось.

– Уходим, – крикнул он и схватил за шкурку Лежака.

Мандраж у Лежака конкретный – всего типает. Рот раззявил и на жмура своего смотрит. Еще бы на колени перед ним встал да извиняться начал. Только буксиром с места его

и сдернешь.

Втроем они вышли из кафе. В крохотном тамбуре стоял Медок. И этот дрожит как осиновый лист. Он должен был пустить в расход любого, кто ринулся бы в кафешку на шум. Но сверхлюбопытных не нашлось.

На улицу вышли уже без масок. Машина с заведенным мотором стояла неподалеку. Никто не позарился на халяву – не угнал. Значит, удача сопутствует и будет сопутствовать им всегда.

– Ну чо, пацаны, задел есть! – растянул рот в улыбке Мирон, трогаясь с места. – Всех будем мочить!

Внутри его все еще клокотал пламень азарта.

– Королями станем! – подхватил Горюн.

– В натуре, брат, королями будем! – расхохотался Мирон и с силой толкнул его в плечо.

Если бы дверца была плохо закрыта, Витек бы точно вывалился на улицу.

* * *

Савелий ощущал себя человеком, которого облили помоями.

– Я хочу знать, какая падла Селезня, Карася, Витамина и Агапа вальнула? – с пеной у рта спрашивал он Чумака, «бригадира», держащего под своим контролем несколько центральных гостиниц и девочек при них.

Селезень являлся как бы старшим контролером на Тверской. Целое «звено» у него было под рукой. Следил за рабо-

той сутенеров, отбивал конкурентов. Наезд на него означал начало войны за передел сфер влияния на этом участке. И надо всегда знать, кто конкретно потянул одеяло на себя. А желающих расширить свое место в окрестностях гостиницы «Интурист» хватало.

– А хрен его знает... – пожал плечами коренастый крепыш с квадратным затылком. – Я и с Персом тер, и с Баклажаном, и с Сафоном. Все в отмаз идут.

– А этот... как его?... Мирон, хрен этот, он чо базарит?

Не сразу, но узнал он о некоем Мироне. Пацан один борзой внагляк телок своих на выпас на Тверскую выставил. Ну Селезень на него и налетел. Да оформшмачился. Пацан вроде как крутым оказался – на пушку Селезня взял. Ну, тот не нашел ничего лучшего, как дать ему зеленый свет под «Интурист» за вшивые десять процентов. А Мирон резко вдруг свое стадо увеличил. До пятнадцати телок довел. И товар у него качественный. Савелий сам лично вправлял мозги Селезню. И назначил Мирону крупный процент. Борзота должна знать свое место.

– Исчез этот козляра, – брезгливо поморщился Чумак. – И товар свой снял с торгов.

– Думаешь, на другое пастбище кобыл перетащил?

– Ну да, туда, где не нужно пятьдесят процентов за «крышу» отстегивать.

– Хорошо, если так. А если нет? Если Мирон, мать его так, всего лишь тайм-аут взял? Если это он Селезня завалил?

– Да за ним никого, – покачал головой Чумак. – Он сам по себе, да три «кота» под крылом. Идиотом нужно быть, чтобы на нас наезжать.

– А кто его знает, может, он идиот, в натуре, и есть? Короче, ты с него не слазь. Найдешь его и сразу конкретно предъяву ему клей. На Селезня прощупай. Почуешь неладное, сразу кончай его, мудака.

– Да без проблем.

– Смотри, я должен знать, кто вальнул Селезня и его пацанов.

Версий было много. Но Савелий почему-то грешил на Мирона. Хотя, казалось бы, это не самый подходящий вариант. Ну не было смысла этому козлу валить какого-то «контролера». Ведь вместо Селезня придет другой и так же будет требовать с него половину. Но нюх у Савелия зачастую оказывался сильнее всякой логики.

– Да узнаю, в натуре. Кстати, завтра похороны.

– Ну чо, проводим братков в последний путь.

Савелий не мог себе позволить не явиться на похороны Селезня, Карася, Витамина и Агапа. Для своих пацанов он отец. А какой же отец не бросит горсть земли на могилу сына?

* * *

Мирон и Горюн сидели в черном не первой молодости «Бимере» с затемненными окнами. На своей «девятке» Мирон светиться не хотел. Поэтому пришлось воспользоваться

чужой тачкой. Хозяин машины покоился на заднем сиденье в полном «отрубке».

– Идут, – закуривая, сказал Витек.

С кладбища возвращались родственники и кенты уже ушедших под землю Селезня и иже с ним. Из толпы особенно выделялся здоровенный дядя с тяжелым мутным взглядом. Само воплощение крутизны. Его сопровождали телохранители – три мордovorота со звериными рылами. Яснее ясного, что этот дядька самая важная фигура на похоронах.

– Вот он, Савелий, – определил Мирон.

Не мог этот хрен не нарисоваться на похоронах, не проводить в последний путь своих пацанов.

Но это мог быть центровой другой команды, дружественной савельевской. Или даже покровитель самого Савелия. Но нет, Мирон чувствовал, что не ошибся.

Он завел машину и тронулся вслед за «мерсом»-«шестисоткой», в который сел предполагаемый Савелий. Надо проследить за ним, узнать, где он живет. Его нужно срочно вернуть на это же кладбище, но уже в качестве покойника.

Сегодня утром Мирон снова вывел своих девок на Тверскую. Пусть дальше пасутся. И сам там объявился. Тут же к нему подрулил какой-то бритоголовый тип. Какой-то Чумак хотел с ним перетереть. Вроде как целый «бригадир» савельевский интересовался им. Обождать его нужно. Да только Мирон никого ждать не собирался. Он послал братка подальше и вместе с Горюном отправился по своим делам. А

дел много.

«Мерседес» остановился возле ресторана «Белый маркиз». Там же затормозили еще десятка два машин. Из них начали выбираться братки и родственники погибших.

– Поминать жмуров будут, – усмехнулся Горюн.

– А место здесь неплохое, – оглянувшись по сторонам, заметил Мирон.

Ресторан удален от дороги метров на пятьдесят, добираться к нему по широкой аллее, с двух сторон которой в ряд растут высокие голубые ели. А еще кустарник ровно по струнке перед ними.

– Да, красиво, – кивнул Горюн.

– На хрен мне твоя красота? – хмыкнул Мирон.

Настроение у него поднялось. Еще бы, оказывается, не зря они с Витьком прихватили с собой стволы и две «лимонки» – так он пополнил вчера свой арсенал. И, похоже, не зря. Стволы совсем новые. И у него, и у Мирона «стечкины». Жаль избавляться от засвеченных стволов. Но слишком много на них было крови, чтобы оставлять.

– Савелия прямо щас будем валить, – добавил он.

– Ты чо, мы же не договаривались. – Витька пробрал мандраж.

– А хрена тут договариваться?.. Бах, бах, и нет козла!

Мирон закинул вверх голову, выкатил глаза и залился демоническим смехом. Этот смех добавлял ему уверенности в своих силах. Когда он так смеялся, он чувствовал себя са-

мым крутым на свете.

* * *

На поминках Савелий не задержался. Толкнул трогательную речь в память об усопших, принял на грудь сто граммов. Перед тем как уйти, самолично вручил женам Селезня и Агапа, а также родителям холостых Витамина и Карася по пакету с деньгами. Это как компенсация за потерю. Мощный, кстати сказать, стимул для его пацанов.

Из ресторана он выходил в сопровождении «кожаных затылков». Звериное его чутье напряглось на половине пути к машине. Он забеспокоился, ускорил шаг. Перемена в его поведении передалась и телохранителям. Они еще плотнее обступили его.

И тут же откуда-то справа, из-за деревьев в его сторону полетел какой-то предмет. Вслед за ним мелькнул и второй. Страшная догадка пронзила мозг и бросила Савелия на тротуарную плитку. Через мгновение один за другим грянули сразу два взрыва. Осколки изрешетили тела двух задних телохранителей, ударная волна бросила их на Савелия. Третий крепыш тоже получил свою порцию смертоносного металла. И также замертво свалился на землю.

Залитый чужой кровью, контуженый, Савелий сунул руку под распахнутое пальто одного телохранителя, нащупал рукоять тяжелой «беретты».

* * *

«Лимоны» легли в аккурат позади Савелия и его «быков».

Классный фейерверк вышел. Грохот, огонь, сотрясение воздуха. Полный отпад!

– Ништяк! – заорал Мирон.

Он уже хотел рвать когти, когда увидел, как зашевелился Савелий. Полез к своему телохранителю под пальто, что-то там ищет. Да наверняка ствол нашаривает. Вот гад!

Мирон выставил руку с пистолетом и ринулся вперед напролом через кусты. Он шагал, не глядя по сторонам. Ничто его не волновало сейчас, кроме цели. Он стрелял на ходу. Открыл огонь и Савелий. Перестрелка на сближении. Мирон чувствовал, как захлестнул его с головой дикий азарт. Одна пуля обожгла ему щеку, вторая вырвала клочок от рукава куртки. Но он только улыбался. И стрелял, стрелял, стрелял. Остановился, когда опустел двадцатизарядный магазин. Только тогда он в упор посмотрел на Савелия. Лидер братвы был мертв. Пуля выбила ему левый глаз.

Между тем слышались выкрики. Из ресторана выбежали «быки» покойного авторитета. На ходу обнажали оружие. Мирон зайцем метнулся в кусты. Вдгон ему засвистели пули. И только чудом ни одна из них его не зацепила.

Горюна он нашел под елью. Бедняга лежал на спине и смотрел в небо. Во лбу у него зияла аккуратная дырочка. Савелий стрелял в Мирона, а достал Витька. Пулей вылечил его от наркомании.

– Ну мля! – выругался Мирон и перешагнул через Горюна. Жаль, конечно, беднягу, но оплакивать его сейчас не вре-

мя и не место. Еще пару секунд, и здесь будут разъяренные братки. Нужно уносить ноги. Мирон прибавил ходу.

* * *

Борис Кист по кличке Киста возвращался с похорон Савелия не в лучшем расположении духа. На место покойного метили все авторитеты из их команды сразу. А это пахло кровью и грозило расколом. Киста же хотел уладить дело миром и, конечно же, стать во главе савельевской братвы. Веса для этого у него хватало.

– О чем грустишь, дорогой? – Среднего роста сухопарый мужчина с перебитым носом подошел сзади и слегка тронул за плечо.

Киста встрепенулся, весь подобрался. Он всегда немного робел перед Глянцем, коронованным вором и покровителем савельевской группировки. От него зависело много, очень много.

– Да все думаю.

Они шли по широкой кладбищенской аллее. Впереди и сзади двигались родственники погибшего, его друзья и братва.

– О чем?

– О том, как дальше жить будем.

– Что-то не нравятся мне Телега и Рыжий, на себя общее одеяло тянут. Только авторитет у них не тот. Как бы чего не вышло...

– Вот и я о том же.

– Это хорошо, что ты о деле думаешь. Кто замочил Савелия, знаешь?

– Да, уже да.

– Кто?

– Да есть тут один «отморозок», Мироном зовут, на зоне вроде как Скорпионом погоняли.

– Значит, зону он топтал. Что ж, надо будет пробить на счет него. Ты его ищешь?

– О чем разговор? Конечно!.. Только пока не нашел. Он же пацана своего потерял. Горюном звали. Савелий его пристрелил. Мирон понял, что вычислить его дело плевое, а потому слинял.

– Но ты его, конечно, найдешь, – сказал Глянец будто о чем-то отвлеченном.

Но Киста понимал, что в эти слова вложен большой смысл. Глянец не может взять да назначить кого-нибудь на место Савелия. Он может только порекомендовать. А рекомендацию он даст тому, кто найдет убийцу Савелия. Расправа над Мироном добавит к авторитету Кисты огромный, решающий аргумент.

* * *

Мирон ощущал себя затравленным зверем.

Он добился своего – завалил Селезня и Савелия. Но потерял при этом Горюна. Надо было Витька с собой прихватить, чтобы не опознали да не врубились, что к чему. Да куда уж там, сам едва ноги унес.

Его обложили со всех сторон. Менты всполошились, на него грешат. Братва поднялась, денно и нощно ищет его.

Но только хрен кто его найдет!

Сразу после убийства он к себе на хату зарулил, из заначки все бабки вытряс, в карман их сунул и в бега подался, на северную окраину столицы. В Лианозове с ходу хату снял, пять сотен баксов хозяину за месяц вперед сунул – пусть боготворит своего постояльца. Магазин рядом, совсем под носом. Будет жить в своей халупе безвылазно, только за харчами и за выпивоном ходить – бабок ему хватит надолго. Где-то через полгода, по весне, когда все уляжется, он выберется из своей берлоги и заварит новое дело. Какое именно? О, у него будет достаточно времени для выбора.

* * *

Капитан Черкизов внимательно рассматривал поднятые из архива фотографии Мирона Скорпицына. Профиль, анфас. Волчий взгляд, в глазах ненависть ко всему миру. Таким он был восемь лет назад. Таким и остался.

Гражданина Скорпицына подозревали в убийстве крупного преступного авторитета Савелия. Вместе со своим другом он внаглую подобрался к ресторану «Белый маркиз», спрятался за деревьями, и, когда вместе с охраной появился Савелий, их забросали гранатами. Телохранители погибли, но Савелий остался жив. Скорпицыну бы ретироваться. Ведь у автостоянки и в ресторане находились вооруженные люди Савелия. Но он ринулся на жертву и автоматическим огнем из

пистолета Стечкина расстрелял авторитета в упор. И тут же попал под ураганный огонь бандитов. Только чудо его спасло. Зато погиб его дружок.

С места преступления он скрылся, успел заехать на свою квартиру, забрать оттуда вещи и деньги. Куда он отправился дальше, неизвестно.

Мирон Скорпицын содержал целый штат проституток, сдавал их в эксплуатацию, имел с них процент. Из-за этого преступного бизнеса он и ввязался в конфликт с Савелием. Помимо Виктора Горюнова на него работали Игнат Леженин и Андрей Медковский. Установлено, что в расправе у ресторана «Белый маркиз» эти двое не принимали участия. Они отрицали и свою причастность к расстрелу четверых граждан, принадлежащих к группировке Савелия, а также владельца кафе. Огонь велся из трех пистолетов. Но нападавших вполне могло быть двое, кто-нибудь из них вполне мог стрелять по-македонски, с двух рук. И все же Леженин и Медковский оставались у Черкизова под колпаком. Дайте только добраться до Скорпицына, и все станет на свои места.

Сообщение о розыске особо опасного преступника прокрутили по центральному телевидению. Надежда на сознательность гражданского населения слабая, но все же...

* * *

Медок вышел из подъезда своего дома, огляделся по сторонам, поднял ворот пальто и двинулся к остановке. Черный «БМВ»-«пятерка» с затемненными окнами перерезал ему

путь и остановился в двух шагах. Открылась задняя дверца, из глубины салона показался ствол автомата.

От страха у него заледенела в жилах кровь и подкосились ноги. Горло пережала чья-то сильная костлявая рука. Застывшим взглядом он смотрел на черное жерло ствола, с ужасом ожидал выстрела.

– Тихо, вся, – послышался голос из машины. – Дергай сюда!

На негнущихся ногах он подошел к машине, залез в нее, захлопнул за собой дверцу. Ствол автомата больно уперся ему в бок.

– А теперь колись, козляра! – повернулся к нему бритоголовый крепыш с переднего сиденья, когда машина тронулась с места.

– Не... не понял, – с трудом выдавил он из себя.

– Где Мирон?

– Мирон?!. Не знаю.

– Че?! Не знаешь, кто он такой? – сморщился тот, с автоматом.

– Знаю. Но не знаю, где он.

– Только горбатого не лепи!

– Да честное слово, не знаю! – захныкал Медок.

– Савелия зачем хлопнул?

– Кто?.. Я?!

Он уже знал, что Мирона подозревают в убийстве авторитета по кличке Савелий. Его вчера следак ментовский на со-

участие крутил. Да только все бесполезно. И на убийство Селезня колоть пытался. Да только они с Лежаком выработали четкую линию защиты, согласовали по всем параметрам. Не знаю, не видели, не догадывались. Ведь они даже не работали на Мирона, просто дружили с ним. Они ночные рыцари, благородные защитники путан от всяких негодяев. Они защищают их, защищали и будут защищать. И поверьте, товарищ капитан, делают они все это бескорыстно. А на хрена им, спрашивается, вешать на себя уголовную статью за сводничество? И девок предусмотрительно застращали, все под их дудку поют.

Только нынешний разговор разительно отличается от недавнего в ментовке. Сейчас с ним братки базарят, а им лапшу на уши вешать опасно. И все же придется придерживаться той же линии защиты.

– А то кто же.

– Да это же Мирон, не я. Мы с Лежаком даже не знали о том, что он затеял с Горюном. Они нас в свои планы не посвящали.

– А вот Лежак твой поет другую песню. Вы с Лежаком на шухере стояли, когда Савелия мочили.

Провокация чистой воды. Взять на себя Савелия – это смерть. Нет, не мог Лежак на это пойти, он же не идиот клинический.

– Не может этого быть.

– Ладно, проехали. А вот Селезня с пацанами ты точно в

расход пускал.

– Тоже Лежак сказал? – с издевкой спросил Медок.

– Лежак.

– И здесь не то. Не мог он этого сказать! Не могли мы быть с Мироном, когда он Селезня убивал, не могли! Мы соску одну новую вдвоем в это время харили.

– Это ты в ментовке рассказывал?

– Да нет, что я, дурак себя подставлять? Мы же девок не харим, мы их защищаем.

Тот, который с автоматом, резко дернулся. И тут же острая боль врезалась в мозг, и Медок потерял сознание.

Очнулся он от запаха нашатырного спирта. Он лежал на обочине дороги, вокруг него скопилась толпа, кто-то тыкал ему в нос вонючую ватку. Бандитов не было и в помине. Значит, они его отпустили. Поняли, что не смогут выйти через него на Мирона. И виновным его в убийстве Селезня не считают. Это само по себе маловероятно. Но даже если ему и поверили, его все равно должны были увезти куда-нибудь в лес и пристрелить, как мироновского пса. А его оставили в живых. Никогда Медок не верил в чудеса, но с сегодняшнего дня мнение его на этот счет резко изменилось.

* * *

– Разрешите! – послышался со стороны дверей громкий командный голос.

Капитан Черкизов повернул голову. К нему в кабинет входил седовласый мужчина с военной выправкой. Какой-ни-

будь отставной полковник, мелькнуло у него в голове.

– Проходите, пожалуйста, присаживайтесь. – Он любезно указал на свободное место рядом со своим столом. – Я вас слушаю!

– Капитан второго ранга в отставке Грибенцов Марк Анатольевич, – представился посетитель.

Так и есть, отставной вояка. Не полковник, правда, но очень близко к нему.

– Я тут одну передачу по телевизору смотрел, а там про опасного преступника говорили. Я видел этого типа, узнал его.

– Та-ак... – напрягся капитан.

– Там телефон указали, я позвонил, меня направили к вам.

– Когда и где вы видели преступника?

– Вчера вечером. Он квартиру в моем доме снимает, на одной лестничной площадке со мной. Я его сразу узнал. Я ведь когда-то в морской разведке...

Подробности из военной службы Марка Анатольевича совершенно не интересовали Черкизова.

– Адрес? – оборвал он капитана.

Грибенцов назвал улицу, номер дома и квартиры.

– Кому еще вы об этом говорили?

– Ну, когда по телефону звонил, дежурный, наверное, или еще кто-то там подробно меня обо всем расспросил.

– И только после этого ко мне направил?

– Совершенно верно. А разве это имеет какое-то значение?

– Нет, для вас не имеет.

Примерно через час после разговора с группой немедленного реагирования Черкизов направился в Лианозово. Грибенцов сидел на заднем сиденье машины и показывал дорогу. Улица, дом. Остановились возле его подъезда.

Неподалеку от них стояла грязная «Волга» тридцать первой модели. Но на нее никто не обратил внимания.

– Ну что, как брать станем? – спросил по рации старший группы. Его микроавтобус остановился позади. – Ждать будем или квартиру штурмовать?

Ответить Черкизов не успел. Из подъезда вышел парень в невзрачной серой куртке и черной вязаной шапочке. Остановился, осмотрелся, достал сигареты, закурил.

– Вот он, вот! – показал на него отставник.

Но Черкизов и сам узнал Скорпицына.

– Готовность номер один! – скомандовал он.

– Сейчас мы его, голубчика! – послышался радостный голос начальника группы. – О, блин, что за хреновина?

Миرون уже начал отходить от дома, когда рядом с ним остановилась та самая грязная «Волга». Плавно опустилось правое переднее стекло, и показался ствол автомата. И тут же тишину двора разорвал грохот прицельной автоматной очереди.

Несколько пуль впились в тело Мирона, отбросили его на-

зад. Он еще не упал, а «Волга» уже сорвалась с места. На полном ходу она помчалась к выезду со двора.

– За ней! – скомандовал Черкизов водителю.

Его «шестерка» также резво сорвалась с места. Но из окна «Волги» на дорогу выбросили гранату. Она упала метров за двадцать до милицейской машины. И разорвалась спрессованными клубами дымовой завесы. Какое-то мгновение, и «жигуль» оказался в плотном непроницаемом облаке. Еще мгновение, и он ударился колесом о бордюр, перескочил через него на клумбу и врезался в дерево.

– Так, приехали! – выругался водитель.

– Дьявол! – чертыхнулся Черкизов и начал вылезать из машины.

В Скорпицына стреляли преступники из банды Савелия. Смерть Мирона – это месть за погибшего авторитета. Но как же бандиты вышли на него?.. Ответ прост – утечка информации. Бандиты узнали адрес Мирона из одного источника, но раньше, чем он, капитан Черкизов. И выставили свой пост. А на случай, если придется иметь дело с милицией и уходить от погони, припасли дымовую шашку. Хорошо еще, не гранатомет.

Мирон лежал на спине, голова безвольно завалилась набок, грудь, живот и ноги в кровоточащих ранах. Всего Черкизов насчитал шесть дырок.

– Готов! – махнул на него рукой начальник группы захвата. – Не дышит, и пульс не прощупывается, я проверял.

- Следственную бригаду и «Скорую помощь»?..
- Уже вызвал. Но лучше всего сразу катафалк вызывать.
- А это уж без тебя разберемся.

Черкизов достал сигарету, закурил.

Уголовное дело по факту убийства гражданина Савельева Федора Степановича и трех его телохранителей можно закрывать. Убийца установлен. И тут же надо открывать новое. По факту убийства самого Скорпицына. Но только будет ли кто-нибудь заниматься этим?

* * *

Целую неделю прожила Ксюша в своей роскошной квартире в полном одиночестве.

Она могла позволить себе если не все, то многое. Ходила по магазинам, покупала себе одежду, косметику, всевозможные журналы с глянцевыми обложками. Она хотела красиво и стильно одеваться, правильно накладывать макияж, чтобы не выглядеть вульгарной. Ей хотелось познать образ жизни сильных и богатых мира сего. Она зачитывалась светской хроникой, штудировала книги о правилах хорошего тона.

Первое время она думала о Мироне, места себе не находила. Где он, с кем, чем занимается? Ей хотелось знать о нем все, и она с трудом сдерживалась, чтобы не поехать к нему. Но дней через пять вдруг обнаружила, что мысли о нем уже не будоражат ее душу, не сжимают сердце. Она стала думать о нем спокойно и как-то отстраненно. А ведь он всегда был для нее посторонним, даже когда они жили вместе. Он нико-

гда не воспринимал ее всерьез, унижал, оскорблял. И она все это терпеливо сносила, даже самой себе редко жаловалась. И в мыслях у нее тогда не было – уйти от него. Мирон ее хозяин, ее господин. Но, оказывается, вдали от него она может рассуждать совсем иначе. словно какая-то потусторонняя сила привязывала ее к нему, пока они были вместе, и не давала ей оторваться. А на расстоянии и через некоторое время эта сила стала резко слабеть.

И еще Ксюша обнаружила, что внизу живота не появляется слабость, когда она вспоминает сексуальные сцены. Ее всегда тянуло в постель к Мирону, под ним она чувствовала себя на вершине блаженства. Но сейчас она не хотела секса ни с ним, ни вообще. Все мужчины представлялись ей грубыми вонючими самцами. Они измазали ее грязной похотью, наполнили ее естество мерзостью. При мысли о них она испытывала отвращение. Как они ей все надоели, и Мирон в том числе!

Думая о своем бывшем любовнике, она радовалась, что избавилась от него. Перед ней открывался новый мир. И в этом мире не было места подлому садисту и сутенеру, каким был Скорпион.

Сегодня о Мироне она не думала вообще. Зато все мысли заняты теперь таинственным благодетелем, которому она обязана фантастической переменой в своей жизни. Кто он такой? С какой это стати он решил вдруг вырвать из грязи именно ее, а не кого-то другого?

Она терзалась догадками и больше всего на свете хотела, чтобы ее таинственный покровитель объявился как можно скорее. Только тогда она получит определенность и ответы на все свои вопросы. Но благодетель не появлялся.

Вечером Ксюша приняла душ, высушила феном волосы, втерла в кожу лица и тела ночной крем, легла в постель и включила телевизор. Рядом с ней на столике уже стоял йогурт и пакет с апельсиновым соком. Она могла бы и пивком побаловаться, и сигаретку раскурить. Но она решила беречь свой организм и от алкоголя, и от никотина. В том мире, куда она ступила одной ногой, хотелось жить долго. А для этого нужен здоровый образ жизни.

– Сегодня в шестнадцать часов пятнадцать минут возле своего дома был застрелен молодой мужчина в возрасте двадцати шести лет, – с веселым трагизмом сообщил телекомментатор.

Крупным планом камера высветила лежащего на земле человека. На его теле отчетливо видны следы пулевых ранений. И лицо... Такое знакомое. Ксюша похолодела. Это Мирон.

Какая падла застрелила его?

Ксюша вскочила с постели, заметалась по комнате.

– Представители МВД уклоняются от прямого ответа, но кое-что нам стало известно, – продолжали вещать с экрана. – Мирон Скорпицын был сутенером, и его смерть связана с новым витком войны за передел сфер влияния в незаконном

бизнесе.

Ну, конечно же, какой дурак без серьезной «крыши» выводит путан на Тверскую? А Мирон решил рискнуть, да еще и борзеть начал. А не борзеть он просто не мог – натура у него такая. Он был настоящим мужчиной, смелым, жестоким. За это и поплатился. Ну почему убили его, а не кого-то другого?

Ксюша заголосила, обхватила голову руками, прислонилась к стене и по ней съехала на пол.

Мирон по-прежнему крепко держал ее в плену своей несгибаемой силы. А она уже думала, что совсем отошла от него, отгородилась стеной забвения. Но нет, ей это так только казалось.

Он погиб, его нет, и они уже не могут быть вместе. Мысль об этом душила ее и слепила разум. Она ненавидела себя за то, что оставила его в трудную для него минуту.

Мирон умер. Но его еще не похоронили. Она должна проводить его в последний путь!

Ксюша прекратила выть, поднялась с полу и начала одеваться. Спокойствие вернулось к ней, когда она совсем оделась и уже открывала дверь из дому. Она остро переживала трагедию, но ее уже не кидало на стену от горя и отчаяния.

Она открыла дверь, но через порог переступить не успела. Ей пришлось отступить на шаг назад, чтобы пропустить в квартиру двух мужчин. Того, кто ее сюда привез, и незнакомца с густой шевелюрой седых волос. Его лицо показалось

ей знакомым.

* * *

– Ну что, приступим? – спросил мужчина в белом халате и резиновых перчатках.

Перед ним на специальном столе лежало обнаженное тело человека, погибшего в результате множественных огнестрельных ранений.

– Приступим, – пьяно согласился его коллега.

К работе патологоанатома нужно еще привыкнуть. Большинство врачей обретает привычку естественным путем, через дело. Но кое-кто находит душевное равновесие на дне граненого стакана.

Судмедэксперт взял в руки инструменты и привычным движением вскрыл грудную клетку.

– Этого не может быть! – ужаснулся он, и скальпель выпал из его рук.

– Михалыч, это тебе вместо валерьянки! – Его коллега сунул ему в руку наполненный стакан.

Врачпил очень редко и с неохотой. А тут осушил стакан залпом и с удовольствием.

Пули изрешетили тело покойного. Живого места на нем не было. Но сердце его не остановилось. Оно билось в груди – быстро, ритмично, как у здорового человека. Может, сердце жило своей жизнью?

– Стригунов, вызывайте специалистов, – приказал он своему помощнику, не в силах оторвать взгляд от феномена

природы.

Не прошло и часа, как странный труп уже покоился на столе у талантливого хирурга. Но в то, что его можно оживить, не верил никто.

* * *

Лежак и Медок придирчивыми взглядами осматривали вполне приличную на вид четырехкомнатную квартиру. Они остались довольны, но это никак не отразилось на их угрюмых лицах.

– Да вроде подойдет, – неопределенно сказал Лежак, когда осмотр был закончен.

– Семьсот пятьдесят в месяц, – заломил цену хозяин.

– И семи сотен хватит, – отрезал Медок.

Всем своим видом они подчеркивали принадлежность к бандитской касте. Бритые затылки, золотые цепи, кожаные куртки. И хотя они всего-навсего сутенеры, хозяину квартиры об этом знать вовсе не обязательно. Пусть думает, что они крутые. Пусть боится. И тот боялся. Поэтому без лишних возражений согласился на семьсот долларов.

– То-то же... – Лежак отсчитал деньги за три месяца вперед и бесцеремонно вытолкнул его за дверь.

Квартира была просторной и с мебелью. Они расположились в зале, в креслах за столиком. Медок достал из пакета бутылку «Абсолюта», бутылку кока-колы, холодное мясо и соленые огурчики в банке. Рюмки Лежак принес с кухни.

– Ну чо, за успех?

– За удачу.

Им обоим сказочно повезло. Менты от них отцепились. Но это ерунда. Гораздо важнее, что их оставили в покое братки покойного Савелия. Возможно, бандиты догадывались, что они ходили убивать Селезня вместе с Мироном и Горюном. Но почему-то оставили их в живых. Даже пальцем не тронули. Хотя закошмарили жуть как.

Лежак и Медок уважали самих себя и друг друга. И было за что. Во-первых, они не дрогнули ни под ментами, ни под братками, не сдали ни себя, ни один другого. А во-вторых, они наизнанку вывернулись, чтобы собрать до кучи рассеявшееся после смерти Мирона стадо «ночных бабочек». Все пятнадцать под их крыло вернулись. Место запропавшей Ксюхи заняла сисястая брюнетка Лялечка – кстати, это она создала им ложное алиби. Вообще-то не совсем ложное. Ведь они и в самом деле харили ее вдвоем, для пробы, но совсем в другое время.

Деньги у них водились. И все пошли в дело. Для начала сутенеры сняли эту хату. Здесь будет массажный салон – фирму они зарегистрируют официально, уже пробиты ходы. Потенциальный клиент захочет заказать «массажистку» с выездом к нему домой, найдет объявление в газете, позвонит на фирму, и, пожалуйста, заказ принят. Пятнадцать девушек в эскорте. Такса стандартная – сто баксов за два часа и двести за ночь. На Тверской, конечно, больше можно заработать, но там опасно – никаким калачом «бабочек» те-

перь туда не затянешь. Девочек будут сами по хатам развозить, диспетчера найдут, с ментами и бандитами, которые с «крышей» к ним заявятся, общий язык найдут. Словом: дело закрутится. По самым скромным расчетам, в месяц каждый из них будет иметь до пяти «штук» «зеленью». Но ведь дело можно еще и значительно расширить.

Звонок в дверь остановил их полный радужных надежд разговор.

Лежак подумал, что вернулся хозяин – мало ли какие вопросы могли у него появиться, – и распахнул дверь, не глядя в глазок. И тут же получил сильный удар в грудь, который отбросил его в глубь коридора. В квартиру уже входили три качка в дубленках. У всех в руках «волыны».

– Ой, извини! – с издевкой улыбнулся один. – Не хотел тебя бить.

Но ударил.

– А я не хочу в тебя стрелять! – рассмеялся второй и наставил на него ствол.

Вот так, сейчас его убьют. А они с Медком думали, будто нелегкая мимо пронесла.

– Эй, а он не хочет отправляться к предкам, – ткнул в Лежака пальцем третий.

– Думаешь, не хочет?.. – смеясь, усомнился второй.

– А ты его спецом сам спроси.

– Ты, козел, на тот свет хочешь?

– Нет! – в панике выкрикнул Лежак.

– А зря. Твой Мирон, в рот его, тебя там дожидается.

– Не нужен он мне! – хватая ртом воздух, выдал он.

– А кто тебе нужен? – продолжали глумиться над ним бандиты.

– Мы с Медком теперь работаем.

Медок сидел в комнате и не показывался.

– А телок у вас сколько?

– Пятнадцать.

– На эскорт их запустите?

– Хотелось бы.

– Так в чем же дело? Запускайте, мы не против. Но работать будете на нас.

Бандит опустил пистолет. Лежак облегченно вздохнул. Значит, его не собирались убивать. Его просто кошмарят, чтобы подмять под себя. Да разве ж он против того, чтобы работать на таких крутых пацанов?

– Да я только рад буду.

– Он только рад будет, – передразнил его первый крепыш. – Каз-зел ты, этта, в натуре. Короче, за «крышу» будешь отстегивать половину.

Лежак похолодел. Пятьдесят процентов от дохода – это откровенный грабеж. Но именно из-за этих поганых процентов погиб Мирон. И его, Лежака, замочат, если ерепениться будет.

– Со-согласен, – выдавил он, заикаясь.

– А твой кореш?

– Я тоже.

Наконец-то показался в дверях комнаты Медок. Бледный как смерть, в глазах страх. Ну да и у него, у Лежака, видок не лучше.

– А куда вы оба денетесь? – захохотал крепыш.

И для вящего устрашения выставил вперед руку с пистолетом и вдавил ствол ему в грудь. Смех его стал еще громче.

Вот оно как все обернулось. Жизнь им сохранили, но посадили на рабские условия. И действительно, куда деваться?

Часть II

Глава 1

Леся стояла на коленях на полу, локти на кровати. Голое совершенной формы тело выгнуто, поджарый зад трясется под натиском сухопарого мужичка с большими ушами. Его огромный инструмент на всю длину входит в нее. Она стонет от кайфа и восторга. Шлюха! Тварь! Потаскуха!.. Прямо из воздуха возник второй мужик, он подсел к Лесе, дал ей попробовать на вкус свою омерзительную штуку. Когда появился третий и взял ее сзади, все куда-то пропало. Леся, мужики, кровать, комната...

Петр Антонович открыл глаза и уставился в потолок. Провел рукой по лбу и стер с него капельки холодного пота. Один и тот же сон преследовал его на протяжении последних пятнадцати лет. И самое страшное, что этот сон – отражение прошлого.

Он повернулся на бок, закрыл глаза и попробовал уснуть снова. Но мысли о былом отгоняли сон и не давали спать.

Давно, очень давно, еще в другой жизни, он застал свою бывшую жену с любовником. Он никогда не приходил домой на обед. А тут пришел. И обнаружил в своей спальне суку и самца, они беззастенчиво трахались на его кровати.

Лесю он любил безумно. Но так же безумно возненавидел ее, когда ощутил на своей голове тяжесть ветвистых рогов. В срочном порядке он подал на развод, собрал свои вещи и уехал в дальние края. Ему не жаль было оставлять Лесю, но сердце обливалось кровью, когда он думал о своей маленькой дочери. Он был бы рад забрать ее с собой, да кто бы ему позволил?

В том же году он устроился инженером на алмазные прииски в Якутии. Заработок высокий, но он совершенно не интересовал Петра Антоновича. В его работе ему нравилось другое – постоянное напряжение умственных и физических сил. Тяжелый труд и ужасный климат вытесняли из его головы мысли о брошенной семье. В борьбе с суровой природой и с постоянными поломками техники он закалил свой характер, научился быстро находить выходы из экстремальных ситуаций.

Он числился на хорошем счету. Передовик, рационализатор, активист. И, главное, с начальством в отличных отношениях. Его выдвинули раз, второй, третий. Не успел оглянуться, как стал генеральным директором крупнейшего алмазодобывающего предприятия. Он честно исполнял свои обязанности, добивался высокой производительности труда, перевыполнения плана, заботился о людях. А однажды поймал за руку своего заместителя.

Этот пройдоха возглавлял группу махинаторов. Он создал разветвленную сеть не зависящих друг от друга звеньев. В

одних звеньях добывались «левые» алмазы, в других – эти же камушки по хитро смазанному механизму проходили мимо контролирующих структур, в третьих – уходили по нелегальному пути сбыта. Система учета на предприятии разработана, казалось, до совершенства. Но нет, выяснилось, что в ней есть дыра. И дыру эту заметил один только Петр Антонович. Ему бы отдать своего зама под суд. Но неожиданно для себя он соглашается с предложением этого пройдохи самому возглавить предприятие в предприятии, нелегальное в легальном. В последнее время его жизнь стала казаться ему пресной, появилось слишком много свободного времени. А ему нужно было заполнить жизненный вакуум. И он заполнил его риском, ежедневным, ежечасным.

С каждым годом обороты его тайного «цеха» существенно увеличивались. Неучтенные алмазы уходили на Запад достаточно крупными партиями. Но Петр Антонович даже не считал, сколько денег на его заграничном банковском счету. А когда сосчитал, ахнул. Сто восемьдесят миллионов долларов. Сумасшедшие деньги! Сказочное богатство! И все это для него, для него одного.

Больше десяти лет он живет один, и все это время изнуряет себя работой, создает и успешно преодолевает трудности. А жизнь тем временем проходит стороной. Но не все потеряно. Он еще достаточно молодой, сорок два года всего – самый возраст для мужчины. Он еще может создать семью и отогреть душу у огня домашнего очага.

В девяносто втором году Петр Антонович завязал с преступным бизнесом, полностью свернул нелегальную деятельность на своем предприятии. А потом подал заявление об уходе.

Он наворовал десятки миллионов долларов, но преступником себя не чувствовал. Преступник, по его мнению, тот, кто попадаетея, а он перед законом оставался чист. Совесть его не мучила, но все же давала о себе знать. Она всколыхнула в нем чувство патриотизма, которое проявилось в выборе вложения капитала. Деньги лежали на заграничных счетах. Они бы и дальше могли продолжать работать на экономику Швейцарии, Англии и Австрии. А он бы жил по образу и подобию пресловутого французского рантье. Но он собирался заставить деньги работать на Россию.

Последнее время Петр Антонович жил за границей, во Франции. Всерьез обдумывал варианты использования капитала. Только долго никак не мог определиться. То его увлекала фармацевтика, то банковский или гостиничный бизнес, а потом захватила идея создать на родине разветвленную сеть промышленно-пищевых предприятий. Человек может отказать себе в отдыхе, в одежде, в книгах, но он всегда будет покупать продукты. А еще хотелось сделать отечественные товары конкурентоспособными, ничуть не уступающими зарубежным аналогам.

В настоящее время на него работала небольшая группа специалистов. Пока они занимались только проектами. Со-

бирали информацию о промышленно-пищевых предприятиях Европы, анализировали варианты, выбирали наиболее оптимальные и пригодные для России. В ближайшем будущем он собирался перевести часть своего капитала на родину и начать осуществление задуманного проекта.

В этом году он побывал в Москве, месяц летом и месяц осенью. Квартиру себе двенадцатикомнатную в центре города приобрел, ремонт на высшем уровне сделал, обставил мебелью по всем правилам европейского дизайна. А между делом навел справки о бывшей своей семье.

Леся совсем опустила. Нарожала детей от других мужчин, но замуж так и не вышла. Зато спилась, стала натуральной алкоголичкой. И дочь за собой потянула. Нет, Ксения не пьянствует и не наркоманка. Но у нее случай не легче. Она – проститутка, зарабатывает себе на жизнь своим телом. Что может быть грязнее?.. Но в этом его вина. Надо было дочери и ее матери больше денег высылать, тогда, возможно, она не вышла бы на панель.

Ксению он не нашел. Из Добрина она куда-то в Москву подалась. И ни слуху о ней ни духу. Но Петр Антонович хотел ее найти и нанял частного детектива. Мало того, он приобрел для дочери отличную квартиру в Митино, открыл на ее имя счет в банке на сто тысяч долларов. Отец собирался вытащить ее из грязи распутной жизни, сделать человеком.

Думая о дочери, он чувствовал себя последним негодяем. За пятнадцать лет он так и не нашел случая увидеться с ней.

А ведь она единственный родной для него человек на всем белом свете.

Недавно ему позвонили из Москвы, сообщили про Ксению. Ее нашли, поселили в квартире, вручили документы на право владения, чековую книжку. Она вовсе не прочь навсегда завязать с проституцией. А еще ждет, когда перед ней предстанет ее таинственный благодетель.

Она не знала, кому обязана переменой в своей жизни. Петр Антонович решил открыть ей тайну лично. Для этого он вылетел в Москву, прибыл в Митино и предстал перед дочерью.

Они провели вместе весь остаток дня и всю ночь. Им было о чем поговорить друг с другом. Сначала он ее успокаивал. Оказывается, в тот день она переживала личную трагедию. Был убит ее любовник, грязный негодяй и ничтожество. Но Ксюша его любила. Только теперь это все в прошлом.

Она обрадовалась, когда Петр Антонович назвал ее дочерью. Перед ней открывались радужные перспективы, и она это прекрасно понимала. Но чувствовалось, что она нуждается не столько в деньгах и его покровительстве, сколько в нем самом. Она привязалась к отцу. И он чувствовал себя счастливым.

На следующий день он отправился обратно в Париж. Ксения его провожала до аэропорта. Очень хотелось ее с собой забрать, пусть мир посмотрит. Но об этом следовало подумать раньше, оформить ей заграничный паспорт. Впрочем,

она еще успеет побывать и в Европе, и в Америке. А без него скучать ей совсем недолго. Через неделю он закончит все дела за границей и отправится в Россию на постоянное жительство.

Он будет заниматься своим делом и заботиться о дочери. В следующем году летом устроит Ксению в какой-нибудь престижный университет или институт. Пора ей человеком становиться. Если она захочет, то будет жить с ним в его квартире. Если нет, то пусть остается в своей. Но так или иначе, они будут всегда вместе. И никто им больше не нужен.

С этой мыслью Петр Антонович и заснул.

* * *

Маша Ерохина сидела в уютном парижском кафе в полном одиночестве, курила и пила кофе. Настроение у нее ни в дугу.

Три года назад она закончила школу в родном Смоленске и поехала пытаться счастья в Москву. Хотела поступить в театральное училище, да не прошла по конкурсу. Для нее это был удар. Ведь она считала себя прирожденной актрисой. В школьном театре постановки с ее участием воспринимались как событие. А тут натебе, какие-то бездари поступили, а она, талантливая, осталась за бортом. Домой она не возвратилась. Написала родителям, что зачислена в училище и через несколько лет станет актрисой. А сама поступила на курсы фотомоделей. Данные для этого у нее налицо: красивая, грациозная, фигурка – совершенство, чувство ритма врож-

денное. Три месяца напряженной учебы, и, пожалуйста, перед тобой открыты двери всех модельных агентств. Но так ей только казалось. На самом деле при всей ее красоте ей пришлось набить немало шишек, чтобы получить более-менее приличную работу.

У нее была перспектива зарабатывать деньги не только на подиуме. Ей всерьез предлагали попробовать себя в качестве элитной проститутки. Она могла бы иметь до трехсот долларов в день. Но этот вариант ее категорически не устраивал. Проституция – это грязь. А она тянулась к стерильности и комфорту. И все-таки ей все равно пришлось зарабатывать на жизнь своим телом. Только не как классической путане, а в более завуалированной форме. У нее появился любовник, навороченный фирмач с «Мерседесом» и сотовым телефоном. Он не платил ей по строго установленной таксе за час, ночь. Но делал дорогие подарки, снимал роскошную квартиру, содержал. Маша знала себе цену и умела себя подать – ради нее любовник готов был снять с себя последнюю рубаху. До последней рубахи дело не дошло, но до разорения фирмы – увы! Слишком тратился на нее фирмач. Так он ей сказал, когда она бросала его. Хотя, скорее всего, он разорился во все не из-за нее, а по какой-то другой причине. Впрочем, ее абсолютно не волновало чужое горе. Она привыкла думать только о себе, только о собственной судьбе. С первым любовником она рассталась из-за его неплатежеспособности. И сразу же обзавелась вторым. Этот тоже бросал на ее прихоти

немалые суммы и, по иронии судьбы, тоже разорился. Хотите верьте, хотите нет, но и третий ее любовник таким же образом пустил свое состояние по ветру. Она становилась для мужчин неким недобрым символом, своим появлением в их жизни обрекая на роковую неудачу.

Самое интересное, Маша нисколько не соответствовала образу роковой женщины. Она была тихой, покладистой, даже немного застенчивой. И нрав у нее мягкий, как у ласковой кошки. Ее милая улыбка и затаенная печаль в глазах настаивали на поэтический лад. Ее считали нежным ангелом, ей посвящали стихи, целовали руки, охапками дарили цветы. И никто не догадывался, какой дьявол притаился у нее в душе.

Она устроила свою жизнь в Москве. Квартира, машина, определенная известность в мире модельного бизнеса. Но ей хотелось большего. Она стремилась к мировой славе. Поэтому вместе с подругой она и приехала в Париж. Но приглашение от одного модельного агентства, по которому они сюда прибыли, оказалось липовым. Оставалось только гадать, кто сыграл с ними такую злую шутку, и искать работу. Правда, эта незавидная участь досталась Маше. А ее подруга ничего и ни в чем не винила. Напротив, она могла только благодарить шутника. В агентстве удивились их появлению. Но сразу выпроваживать за порог не стали. Русские девушки в последнее время начали входить в моду, поэтому им обеим устроили фотопробы. И надо же такому случиться – Инге

предложили работу на довольно выгодных условиях, а Машу вежливо выставили за дверь. Обидно, нет слов. А ведь она считает себя красивее подружки. Но в ней, как было сказано, нет какой-то изюминки. Зато у Инги есть. От зависти Маша расплакалась, наговорила ей кучу обидных слов и послала по одному адресу. Только уходить-то пришлось ей. А Инга осталась на месте.

Маше взять бы себя в руки да отправиться в поисках счастья по другим агентствам. Но она дала обиде полное раздолье и целыми днями предавалась отчаянию в своем номере в дешевой гостинице. Деньги у нее пока имелись, но пора уже и подумать о билете в обратный конец.

Нигде в кафе не бывает так хорошо, как в Париже. Кафе здесь – это особый мир с особыми традициями. Не просто завтраки, обеды и ужины – это образ жизни. Только Маша не замечала этой атмосферы вокруг себя, она сидела за столиком одна, пила кофе и думала о том, как несправедливо обошлась с ней судьба.

В кафе вошел высокий седовласый мужчина с породистым лицом в скромном на вид, но очень дорогом сером костюме. Едва его завидев, официант метнулся к нему, растянул рот в радушной улыбке и проводил за отдельный столик. Маша скользнула по нему печальным взглядом и снова погрузилась в свои невеселые мысли.

Когда она выходила из кафе, мужчина поднялся за ней следом. Она направилась к себе в гостиницу, он последовал

за ней. Она поднялась на свой этаж, он остался в холле. Его взгляд провожал ее до самого лифта.

А через пару часов она получила роскошный букет роз и записку с приглашением пообедать вместе. Записка на русском языке. Значит, ее воздыхатель знает, откуда она. И не удивительно, ведь он не зря остался в холле, когда она поднялась к себе. Наверняка получил о ней информацию от администратора. Ко всему прочему он и сам русский. Подписался: «Петр Архипов».

Этот Петр Архипов, судя по всему, не из бедных. А ей хотелось найти в Париже богатого любовника. И даже хорошо, что ей попался не парижанин. Она откровенно слабо владеет французским языком. А с русским какие проблемы?.. Она совсем не прочь встретиться с Архиповым. Но женская интуиция подсказала ей: надо ответить ему отказом.

* * *

Петр Антонович все время, пока жил в Париже, посещал одно и то же кафе. Далеко не самое престижное, но и не самое дешевое. Он совсем не стремился показать, насколько он богат. Напротив, старался выглядеть человеком среднего достатка и не выделяться из толпы. Лишняя известность – лишние проблемы, а проблемы ему здесь, в Париже, совсем не нужны.

Он жил в дорогой гостинице в одноместном люксе. Петр Антонович не заводил любовниц, лишь изредка позволял себе развлечься с проституткой. Он боялся жить с женщиной.

Боялся с того самого момента, как узнал об измене жены. Слишком велико было его потрясение. И не хотелось испытать его снова. К тому же он и не встретил еще женщину, в которую мог бы влюбиться.

Но сегодня в кафе он увидел русую девушку с большими глазами цвета хвои. Никогда не видел он таких красивых и печальных глаз. Сама того не ведая, она околдовала его, очаровала. Заставила забыть его обо всем на свете. Она едва удостоила его взглядом, за те несколько минут, которые провела в кафе, ни разу не обернулась к нему. Петр Антонович смотрел ей в спину и не мог оторвать от нее глаз. И когда она встала, чтобы уйти, никакая сила на свете не могла оставить его на месте. Он потребовал счет и вышел вслед за ней, проводил до самой гостиницы. А потом навел о ней справки. Стодолларовая купюра вмиг развязала портье язык.

Маша Ерохина, русская, туристка из России, двадцать лет, номер восемьдесят девятый. А большего ему и не надо знать. Он послал ей дорогой букет роз.

Петр Антонович прекрасно отдавал себе отчет в том, какое впечатление он производит на женщин. Он не молод, не красавец. Но дамы находят его привлекательным – есть в нем особый шарм, мужское обаяние. Только Маша так не думает. Она ответила ему отказом, а значит, ей он не приглянулся.

Да, он потерпел фиаско. Но отступаться от нее не собирался. Она стала для него некой важнейшей стратегической крепостью, которую необходимо взять любой ценой. И он ве-

рил, что эта крепость когда-нибудь упадет к его ногам.

Он посылал Маше цветы каждый день, ходил за ней незримой тенью. Но, увы, она упорно отказывала ему во внимании. Ему бы набраться решимости да подойти к ней, поговорить, рассказать что-нибудь интересное. Тогда, возможно, он покажется ей интересным, завяжется знакомство. Он собирался так и сделать, но все не хватало этой самой решимости.

Пролетела неделя, пора домой. Но Петр Антонович даже думать не мог об этом, пока здесь оставалась Маша. А она домой, похоже, и не собиралась. И вообще, странная она какая-то туристка. Почти безвылазно в гостинице, а ведь в Париже столько потрясающе красивых мест. А может быть, у нее какое-то горе, она отреклась от всего и живет одними лишь безрадостными воспоминаниями?..

Шла уже вторая неделя этого знакомства на расстоянии. Маша по-прежнему холодна к нему. Однажды она прогуливалась по улице – он следовал за ней. И тут вдруг к ней подскочили два волосатика в кожаных с заклепками куртках, один приставил ей нож к горлу, другой вырвал из ее рук сумочку. Петр Антонович со всех ног бросился на помощь. У него нет оружия, но есть кулаки, и он готов к смертельной схватке. Но драки не вышло, молодчики со всех ног бросились от него, унося с собой сумку. А бежали они быстро, догнать их он был не в силах. Зато где-то справа взвыла сирена полицейской машины. За грабителями бросились в погоню

те, кому следовало этим заниматься. Оставалось надеяться, что они выполняют свой долг.

Маша стояла посреди улицы, голова опущена, на щеках слезы. Но ни стонов, ни истерики. Петр Антонович подошел к ней, рука сама коснулась ее распущенных волос, погладила их. Никогда и никого ему не было так жаль, как ее. Но она не обратила на него никакого внимания.

– Вы только не волнуйтесь, их поймают, – не зная, чем ее утешить, сказал он.

– Не поймают, – тоном обреченной ответила она.

– Почему вы так думаете?

Она подняла голову и, сдувая с глаз волосы, тоскливо посмотрела на него.

– Потому что мне в последнее время фатально не везет. Я знаю, сумочку мне не вернут.

– А много вы потеряли? – этот вопрос сам соскользнул с его языка.

– Много. – Ее ангельское личико выразило страдание.

– Сколько?

– Четыреста семьдесят долларов.

– Но это не так уж и много.

– Смотря для кого. У меня это последние деньги. Были...

– Может, я смогу вам помочь?..

– Чем?

– Ну, я мог бы возместить вам эту сумму.

– Нет, – покачала она головой. – Во-первых, вы не може-

те возмещать, так как вы лично не причинили мне никакого ущерба. А во-вторых, я не беру деньги у незнакомых мужчин.

– Ну почему же незнакомых?.. Вы меня знаете, я уже вторую неделю преследую вас, но все никак не могу к вам подобраться. – К огромной радости Петра Антоновича, язык слушался его и легко подбирал нужные слова.

– Значит, вы и есть Петр Архипов, – сквозь печальную дымку в глазах улыбнулась она.

– Он самый.

– Вот и познакомились ближе.

– И так хотелось бы продолжить наше знакомство.

– Вы пользуетесь моей бедой. – Печаль в ее глазах снова сгустилась.

– Нет, что вы. Хотя, наверное, так оно и есть. Но я ни в чем не виноват, так получилось.

– А я вас ни в чем и не виню.

Вечером они сидели в дорогом ресторане, ели омаров и запивали белым вином. На Маше было белое облегающее платье до пят, волосы собраны на затылке, на тонкой лебединой шее качественная подделка под жемчужное ожерелье – смотрелась она великолепно. Петр Антонович не мог оторвать от нее взгляд. Он был влюблен. Встреча с ней – подарок судьбы, а иначе он думать не хотел.

– У меня случилось несчастье, – рассказывала она. – Я потеряла дорогого мне человека. Он ушел от меня к другой.

«Идиот! Разве ж можно бросить Машу?»

– Вы любили его? – Петр Антонович задыхался от ревности, но виду не подавал.

– Очень. Он уехал к другой женщине сюда, в Париж. Поэтому я здесь, – в ее голосе звучала дремучая тоска.

– Вы нашли его?

– Да. Я оставила ему адрес гостиницы. И вот уже почти месяц жду, когда он вернется. Но он не возвращается.

«Да чтоб он совсем пропал!»

– И как долго вы собираетесь ждать его дальше?

– Не знаю. Наверно, все это пустое. Он не придет.

– Маша, я не имею права просить вас забыть о вашем друге. Но сделать это вам необходимо. Я не знаю, кто он, этот молодой человек, но он недостоин вас.

– Почему вы так думаете?

– Потому что он глуп. Он не понял, что вы самая лучшая девушка на свете, – Петр Антонович смотрел на Машу влюбленными глазами.

– Вы так считаете? – Ее взгляд посветлел.

– Да, я! А вам этого мало?

– Вы серьезный мужчина, у вас за плечами большая жизнь – вы много повидали на своем веку. Поэтому ваши слова много для меня значат, – она даже улыбнулась ему.

– Да, тут вы правы. Мне сорок два, я серьезно отношусь к жизни и, поверьте, не привык бросать слова на ветер.

– Я вам верю.

– Когда вы собираетесь в обратный путь?

– Даже не знаю. Видите ли, у меня не осталось денег на рейс до Москвы.

– Проблема только в этом?

– Да. К счастью, я не ношу свой паспорт в сумочке.

– Тогда я завтра же закажу билеты на обратный рейс, вам и себе?.. Вы ведь не будете возражать?

– Нет, но с одним условием.

– Я весь внимание.

– В Москве я возвращу вам деньги за билет.

Она посмотрела на него глазами неподкупной женщины. Сразу видно, не дешевка. Только деньги он, конечно же, вернуть ей не даст.

В Москву они вылетели только через месяц. А до этого они совершали увлекательное путешествие по столицам Европы. Петр Антонович заказал «Линкольн» с водителем, и они легко преодолевали расстояния. Останавливались в самых дорогих гостиницах. Но Маше было все равно, на чем ездить и где жить. Со своим спутником она просто радовалась жизни и не думала ни о каких материальных делах.

Петр Антонович нравился ей, он чувствовал это. Но сблизиться с ним окончательно она, похоже, не собирается. По крайней мере, до постели дело не дошло. Впрочем, ему хорошо и без этого.

Он обожал Машу и с каждым днем все крепче привязывался к ней. Особенно ему нравилось, что она совершенно

не обращает внимания на посторонних мужчин, не заглядывается на них, как дешевая кокетка. И о своем друге вспоминала все реже. А последнюю неделю перед отъездом ни разу не упомянула о нем. Зато с каким обожанием смотрела на него, на Петра Антоновича. Печаль в ее глазах уступила место умиротворенной радости.

За день до вылета в Россию Петр Антонович, как истинный рыцарь, попросил у Маши руки и сердца. Она обещала подумать.

* * *

Ксюша обожала морскую кухню. С недавних пор она перестала есть мясо, но с превеликим удовольствием лакомилась красной и белой рыбой, икрой. Не в погоне за престижем, а по зову чрева расправлялась с омарами, устрицами, креветками. А нигде так не готовят все это, как в итальянском ресторане «Синьор Омар». До него от ее дома целый час езды на машине, но она не могла отказать себе в удовольствии посещать его хотя бы раз в два дня. Тем более у нее теперь свой собственный автомобиль – двудверный спортивный «Мерседес» последней модели. Деньги на его покупку со своего счета в банке сняла.

Отец обещал вернуться через неделю, но прошел уже месяц, а его все нет и нет. Но мало ли какие дела могут задержать за границей преуспевающего бизнесмена.

Долго ломала она голову, пытаясь найти объяснение свалившемуся ей на голову благополучию. А разгадка оказалась

проста, как в том мексиканском телесериале. Ее нашел и вернул себе отец, о котором она уже давно и думать забыла. Так вышло, что он разбогател, стал миллионером. И просто не мог не поделиться тем, что имеет, с дочерью.

Он проклинал себя за то, что не встретился с нею раньше. Ведь она могла бы жить по-другому. Но теперь все в прошлом. Началась новая жизнь, и в ней нет больше места ничему грязному.

Судьба ее матери отца не волновала. Она сломала ему жизнь, и он до сих пор не может ее простить. И за ее других детей голова у него вовсе не болела. Но он ничего не имел против ее намерения помогать матери, сестре и брату. Напротив, он поощрял этот ее душевный порыв.

Отец скоро вернется, начнет в России свой бизнес. Ей хотелось быть с ним рядом всегда и во всем. Она хотела помогать ему. Только позволит ли он ей путаться у него под ногами?.. А вдруг?

Ксюша расплатилась за обед и вышла из ресторана. Мимо нее прошел мужчина, он чуть не свернул себе шею, обращившись ей вслед. И ничего удивительного, вид у нее был потрясающий. Ее роскошными волосами занимался великолепный женский мастер, макияж накладывал профессионал, а за тем, чтобы все это находилось в гармонии с ее внешностью и одеждой, следил талантливый стилист. При ее красоте она выглядела ошеломляюще эффектно. Золотые сережки с бриллиантами, норковое манто отлично дополняли ее образ.

– Во, мля, вырядилась, курва! – Эти слова больно резанули слух.

Она уже успела отвыкнуть от уличной вульгарщины. А ведь не так давно низкопробная пошлятина была образом ее жизни.

Перед ней стоял и гнусно усмехался Пашка Вертолет, ее бывший сутенер. Он обломком из прошлого ворвался в ее новую жизнь.

– Уйди с дороги! – как можно мягче потребовала она.

– Че? – скривился тот. – Какого хрена ты здесь? Это моя территория!

О какой территории он говорит?

– Ты, Паша, явно не в себе, – усмехнулась она.

– Слушай, ты, я вижу, ты козырной путаной стала, за большие бабки работаешь. Только мне плевать и на тебя и на твоих «котов». Я вас всех с дерьмом смешаю!

Вот оно что, он думает, что она дорогой элитной проституткой стала.

– Спасибо, Пашенька, уважил! – она с презрением посмотрела на него.

– Короче, еще здесь появишься, я тебе «передок» проволокой зашью, поняла?.. А это тебе за то, что свалила от меня!

Он размахнулся и с силой ударил ее по лицу. Ксюша с трудом удержала равновесие. К щеке, казалось, приложили горячую сковороду.

– Ну ты и сволочь! – бросила она в его адрес.

Только Паша ее не слушал. Он повернулся к ней спиной и направился к автостоянке. В бессильной ярости она смотрела ему вслед.

Не успел он сделать и десяти шагов, как откуда-то вдруг появились два парня в теплых канадских куртках. Один высокий и плечистый, другой низкий и тощий – два карикатурных антипода. Первый просто прошел мимо Паши, но тот почему-то упал.

– Ой, извините! – засуетился высокий и протянул ему руку, чтобы помочь встать.

– Ты этга, смотри, куда прешь! – зло посмотрел на него Вертолет и с его помощью поднялся с земли.

– Он больше не будет, – заискивающим голосом сказал второй.

И ту же Вертолет снова вдруг потерял равновесие и упал на пятую точку опоры.

– Митя, так нельзя! – учительским тоном укорил тощего плечистый.

Он нагнулся, одной рукой схватил Пашу за куртку, второй – за штанину и, как подъемный кран, легко вознес его вверх.

– Леша, зачем так грубо? А ну-ка, отпусти его, – потребовал Митя.

– Как скажешь, брат!

Высокий разжал руки, и Вертолет с высоты его роста приземлился на каменную плитку. При падении он отчаянно махал руками, как винтовыми лопастями. Только зря его назы-

вают Вертолетом. Избежать падения он не смог.

– А теперь урони меня! – обратился к Леше Митя.

– Что вы делаете, уроды? – заорал Вертолет.

Из его разбитого носа текла кровь.

– Идем к вам на помощь! – спокойно объяснил ему тощий.

Сильные руки плечистого подняли его высоко вверх и тут же отправили в свободное падение. Пикирующим истребителем Митя врезался в Пашку. Коленями ударил его по низу спины, локтями по верху.

– А-а! – взвыл Вертолет, пытаясь подняться.

Вместе с Митей на спине он встал на четвереньки.

– И-и, о-оп! – выкрикнул тощий.

Он оттолкнулся от Паши, подскочил вверх, сделал сальто в воздухе и снова приземлился к нему на спину, двумя ногами пригвоздив его к земле.

Больше вставать Паша не пытался. Он лежал на животе, закрыв голову руками, и в исступлении колотил ногами землю. Из его груди вырывался стон.

Но Леша и Митя его не слушали. Они подошли к Ксюше.

– Мадам, мы с моим другом стали свидетелями разыгравшейся трагедии, – фиглярничая, продекламировал Леша. – Этот нехороший человек, – он показал на Вертолета, – имел неосторожность ударить вас по лицу.

– Он больше не будет, – жалобно протянул Митя.

– А если серьезно, – лицо Леша и в самом деле приобрело серьезное выражение, – не нравится мне этот тип. Давайте

мы проводим вас.

– Мы станем вашими ангелами-хранителями!

Митя тоже напустил на лицо серьезность, но от этого его вид стал только еще комичней.

Эти ребята-шутники наказали Пашку. Они вступились за нее. За это она была им благодарна. Вообще-то, она не нуждалась в провожатых. Но эти парни так милы, что отказать им просто невозможно.

– А вот вас-то мне как раз и не хватало! – улыбнулась она.

Их веселое настроение передалось и ей.

Она направилась к своему «Мерседесу», они пошли за ней. И только в самый последний момент Митя вырвался вперед.

Рядом с ее машиной стояла древняя «копейка». Только тронь, и рассыплется. Интересный экземпляр, к тому же еще и смешной – автомобиль выкрашен в маскировочный цвет, этакий армейский камуфляж.

– Прощу! – Митя распахнул перед ней дверцу своего драндулета.

– Да вы что? – рассмеялась она. – У меня свой транспорт!

Она показала на свою машину.

– Нам так не жить, – с шутливой обидой вздохнул Митя.

– Как вам будет угодно, – развел руками Леша. – Но мы за вами!

– Как скажете, мальчишки! – ответила она им широкой улыбкой. – Только если догоните.

Ксюша выехала с автостоянки, помахала парням рукой и легко разогнала машину. «Копейка» понеслась вслед за ней. В потоке машин она сопровождала ее до Кольцевой авто-страды. Здесь они, должно быть, расстанутся. Все дело в скорости. Этот полудохлый «жигуль» просто физически не может тягаться с «Мерседесом». Но это ей только казалось. «Копейка» неожиданно развила бешеную скорость и без особого труда домчалась до Митино. И вместе с ней въехала во двор ее дома.

Удивительно!

– У нас импортный форсированный движок, – пояснил Митя, как будто мысли ее прочитал. – Поэтому мы так быстро бегаем.

– Спасибо вам, ребята, – Ксюша не нашла ничего лучшего, как достать из сумочки стодолларовую купюру и протянуть им. – Это как презент от меня.

– Ну мы же не за деньги!.. – обиженно скривился Митя.

– Это нам на мороженое? – шутливо спросил Леша.

– Ну вроде того, – она почувствовала неловкость.

– Тогда сотни мало будет. Мы очень много мороженого едим, – заявил Митя. – Давай, тетя, нам две сотни.

Ксюша пожала плечами и снова раскрыла сумочку. Леша ее остановил.

– Митя шутит, – сказал он. – А это вам.

Он протянул визитную карточку.

Капитан Алексей Дмитриевич Волхов и капитан Дмитрий

Алексеевич Глотов, отдел контрразведки, и номер телефона.

Необычная визитка. На такой карточке, как правило, указывается один человек. Но ведь и парни эти необычные.

– Как следует все запомните, – заговорщицким тоном начал Митя. – А потом сожгите этот клочок бумаги. А еще лучше съешьте.

– Зачем? – удивилась Ксюша.

– Тут упомянута контрразведка.

– Ах вот оно что! – она восприняла его слова всерьез.

– Не обращайтесь на него внимания, – улыбнулся Леша. –

Про контрразведку тут ничего конкретного нет.

– А если я хочу о вас конкретно узнать?..

– Даже и не пытайтесь, – он не шутил. – Тем более это вам ни к чему.

– Может, запишете мой телефон? – спохватилась она.

– Зачем?.. Если понадобится, мы узнаем о вас все, – Митя демонстративно посмотрел на номера ее «Мерседеса».

На какое-то мгновение ей вдруг стало страшно. Но только на мгновение. Алексей и Дмитрий сотрудники серьезной организации, в этом она не сомневалась. Но они такие добрые и милые, она просто не могла их бояться.

Она сунула визитку в сумочку, попрощалась со своими «ангелами-хранителями» и направилась к своему подъезду. Когда выглянула в окно, «копейки» во дворе уже не было.

* * *

Отец дал телеграмму из Вены. Он возвращается домой.

Ксюша должна его встретить. И она встречала его в аэропорту Шереметьево-2. Вот он идет, седовласый мужчина с аристократической внешностью. Посмотришь на такого – залюбуешься. А кто это рядом с ним?

Эффектная блондинка с красивыми зелеными глазами, внешность дорогой фотомодели, походка от бедра. Она держит отца под руку и смотрит только на него. И такая счастливая улыбка на лице. Совсем молодая, вряд ли старше Ксюши.

Отец подошел к дочери, обнял, поцеловал.

– Знакомьтесь, это Маша, – показал он на девушку.

– Очень приятно, – сухо кивнула она.

Зеленоглазая блондинка одарила Ксюшу ласковым взглядом и приветливо улыбнулась. Только где-то в глубине ее глаз мелькнула неприязнь.

– А это моя дочь Ксения.

«Моя дочь...» А о Маше он не сказал ничего. Кто она ему: жена, невеста, любовница? Жены у отца нет. Невесты, насколько она знает, тоже. Значит, это его любовница. А любовницы, они меняются как перчатки.

Ксюша облегченно вздохнула. Ей не хотелось делить отца ни с кем.

* * *

– А вот и мое скромное жилище, – Петр обвел рукой просторный холл своей квартиры.

Да уж, что и говорить, квартирка скромная. В центре столицы, на Арбате, двенадцать комнат, евроремонт, мебель су-

пер-класс, кондиционер, простор, красота. И все это для нее!

Маша радовалась, но не слишком. Если честно, в супердорогих пентхаузах в столицах европейских государств ей нравилось больше. И вообще, Европа – это вам не Москва, два данных понятия сравнимы как воздух и земля. Но ей, увы, придется жить в Москве.

Не прогадала она, когда делала ставку на Петра Архипова. Этот богач влюбился в нее, молил о встрече, она же просто вела свою игру. Сразу соглашаться на встречи с ним она не могла – не по сценарию это. Она ждала, когда он что-нибудь придумает и сам подойдет к ней. Но Петр робел как мальчишка. Если бы не подвернулся случай с двумя французскими грабителями, ей бы пришлось самой инсценировать что-нибудь в этом роде. Надо же было как-то подтолкнуть к себе этого глупца. В сумочке у нее было всего сто франков и двадцать пять долларов. Но она чуть приврала. Хотелось узнать, как отреагирует он. Отреагировал он должным образом – предложил возместить ей убытки. Она же, конечно, прикинулась непреклонной. Но от дорогого ресторана не отказалась.

Очень скоро она убедилась, что может вертеть им и крутить как хочет. Его ни о чем не надо просить – достаточно слабого намека. Она всего лишь восхитилась красотой городов Европы, и нате вам, пожалуйста, он тут же предложил ей путешествие.

Вот когда она поняла, какого журавля поймала. Она при-

нимала Петра Архипова за обыкновенного бизнесмена с годовым доходом где-то в пятьдесят, ну, максимум сто тысяч долларов. Но оказалось, он стоит куда дороже. У него не тысячи, у него миллионы долларов. В этом она убедилась, глядя, с какой легкостью платит он за проживание в роскошных отелях. И подарки ей делал дорогие. Одно только бриллиантовое кольцо чего стоит.

В отличие от всех ее любовников Петр Архипов не был женат. Вакансия его законной супруги свободна – Маша не могла упустить свой шанс. Он просил ее руки и сердца. Она обещала подумать. Но это опять лишь игра. На самом деле для себя она все решила. Она выйдет замуж за Петра Архипова, за этого новорусского миллионера. Она будет верной ему до конца его дней, если, конечно, до этого времени у него не кончатся деньги. Но лучше, если они не кончатся. Неплохо, с другой стороны, пожить и в одиночестве, богатой вдовушкой.

В Москве их встретила дочь Петра, Ксения. Красивая девушка, ухоженная. Он мало о ней рассказывал. Впрочем, Маша и не хотела ничего знать. С первых же минут она почувствовала в ней конкурентку. Еще бы, ведь она у него единственный родной человек. И наверняка завещание оформлено на ее имя. Она разговаривала с Ксенией, а сама думала о том, чтобы как можно скорее закрепить предполагаемое наследство за собой.

– Мне здесь очень нравится, – осматривая комнаты, про-

щебетала Маша.

– Ты можешь остаться здесь навсегда, – прошептал ей на ухо Петр.

Влюбленный идиот!

– Вообще-то, я должна привыкнуть к вам, – неуверенно проговорила она.

– В одном со мной доме и привыкнешь.

– Это не дом, это квартира, – уточнила она.

И уточнила неспроста.

– Ну да, конечно... А хочешь, я построю для тебя дом, роскошный дом, где-нибудь на Рублевском шоссе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.